

Глава 4. Дядя Гена

Отца своего я не знала. Когда мне было уже лет десять или одиннадцать, мама решила показать мне его карточку— крохотную, два на три сантиметра. С неё на меня смотрел молодой, но усталый человек с крупными, но правильными чертами лица и немного грустными глазами. На мои вопросы об отце мама либо отвечала молчанием, либо, если я начинала настаивать, щедро посыпала его ругательствами. Выведать что-то о моём втором родителе удалось только у тёти Любы.

— Он симпатичный был,— говорила она.— Мать твоя кричит на него: «Вот что, что в тебе хорошего?!» А он отвечает: «Я красивый!»

— Что он любил делать больше всего?— спрашивала я.

— Ну-у-у... Он рисовать любил. Корабли какие-то рисовал, коней... И пел. Кажется, он даже в церковном хоре был. А, ещё! Он очень любил два фильма: «Любовь и голуби», ты его уже знаешь, и «Свадьба с приданным». Слышала такой?

— Нет,— призналась я.

— Может, фильм не знаешь, а песни мы пели. «На крыле-е-ечке твоё-о-ом каждый ве-е-ечер вдвоём-ом...» Помнишь?

— Помню, помню!— обрадовалась я.

— Ну вот! Он это любил. И другую: «Хвастать, милая, не стану— знаю сам, что говорю...»

Поздней, когда я уже выросла, мама сказала мне, что в церковный хор отца действительно звали, но он от этого приглашения отказался, сославшись на то, что слишком грешен.

О родственниках по папиной линии я слышала только то, что они жили где-то под Омском и что мой дед по отцу был одно время председателем колхоза. Неудивительно папе было любить фильм про двух влюблённых друг в друга бригадиров соревнующихся колхозов.

Другого своего дедушки я тоже не знала: мамин отец умер за полгода до моего рождения. От него, правда, остались кое-какие воспоминания. В девятнадцать лет моя бабушка вместе с подругами собралась ехать в Барнаул поступать на штукатурку-маляра, но, по несчастью, сломала ногу. Её товарки благополучно укатили в город,

а на бабушку, отлучённую от образования, откуда ни возьмись свалился дед и так быстро взял её в оборот, что через год она уже родила первого ребёнка. Но деду не нравилось сидеть на одном месте, дух авантюризма погнал его искать золото в казахские степи, где было плоховато с медициной, и крохотный младенец едва не умер у бабушки на руках. Поразмыслив здраво, она вернулась в родную деревню и вышла дочь. Дед благополучно возвратился через некоторое время, сделал бабушке ещё ребёнка, но спустя год с небольшим опять поехал в неведомые края за длинным рублём. Так он и жил с бабушкой набегами до самой войны, после которой, наконец, осел дома. Потом мама забрала родителей к себе в город, но моего рождения дед не дождался: он ушёл из жизни незадолго до него, аккурат восьмого марта.

Был у моей мамы и брат, но тот умер в тридцать с небольшим лет страшной смертью: уснув совершенно здоровым, стал задыхаться ночью так сильно, что его не удалось откачать.

Слыша от своего друга Володи, что отец живёт вместе с ними, я сначала немало этому удивлялась и очень хотела сходить к ним домой только для того, чтобы посмотреть, как это бывает, когда мужчина всё время дома: и ест, и отдыхает, и ложится спать— никуда не уходит.

Однажды осенью, когда я ещё была первоклассницей, мама велела мне одеваться, и мы с ней вместе пошли в гости к какому-то её знакомому. У него была маленькая квартира без кухни, всё пространство в которой, как мне показалось, занимали огромные лосиные рога и стопки виниловых пластинок. Одну из этих пластинок, на которой аккуратными буквами было написано «Иваси», хозяин квартиры поставил проигрываться. Довольный голос запел, что лучше быть сытым, чем голодным, и лучше быть нужным, чем свободным. Я была вполне согласна с песней, да и мамин знакомый показался мне неплохим, даже когда, смеясь, предложил выпить пива. Но мама, похоже, составила о нём другое мнение, поэтому больше в ту комнату с рогами и пластинками мы не возвращались.

А когда я пошла учиться уже во второй класс, в нашей жизни неожиданно появился дядя Гена.

Как почти все знакомые мне взрослые, дядя Гена пришёл с завода. Тётя Люба встретила его на каком-то концерте или спектакле в Гордк и нашла повод, чтобы пригласить к себе. Меня и маму она позвала тоже. Они с тётей Любой смотрели на этого худого темноволосого человека с ясными голубыми глазами и наперебой говорили ему: — Помнишь?

— А помнишь?

Оказалось, что дядя Гена был старым знакомым моей мамы и тёти Любы. Они знали друг друга уже больше десятка лет. Всё, о чём ему любезно подсказывали, дядя Гена помнил. Он улыбался, кивал и пил столько горячего чаю, словно приехал с Северного полюса.

На следующий день дядя Гена познакомился и с тётей Томой, которая в тот раз почему-то неожиданно быстро собралась домой. Мама опять расспрашивала его о заводе, о том, как закрылся один цех, другой, куда девалось оборудование, сколько кому дали каких-то ваучеров, и зачем-то разузнавала прочие до зубовного скрежета скучные вещи.

В следующее воскресенье дядя Гена зашёл за мамой, и они вдвоём отправились гулять. Я посматривала на них с любопытством. Мама завила себе волосы и накрасила губы розовой помадой. — Я тебе шоколадку куплю, «Сникерс», — зачем-то сказала она мне перед уходом.

Дядя Гена поначалу не обращал на меня никакого внимания. Но когда он пришёл в третий раз, я сама решила с ним заговорить:

— А вы тоже делали телевизоры, да?

— Нет, — улыбнулся он. — Я работал инженером-технологом на заводе медпрепаратов. Антибиотики мы выпускали.

— Понятно, очень хорошее дело, — с умным видом кивнула я.

— А ты шишки любишь? — ни с того ни с сего поинтересовался дядя Гена.

Я ответила, что люблю, и дядя Гена почему-то обрадовался и заулыбался. Вот чудак-человек!

Чудаком его окрестила не только я. Однажды, когда он с мамой втроём сидели у нас на кухне за чаем, тётя Люба позвала его на танцы, но тот отказался:

— Не в наши годы уже по танцам бегать. Да и костюма приличного у меня нет.

Тётя Люба в ответ на это рассмеялась:

— Гена, да ты же меня младше на два года! Ты что себя в старики-то записал, чудак? Тебя бы в порядок привести — орёл-мужчина!

После этих слов мне стало интересно, как бы в самом деле изменился дядя Гена, если бы тётя Люба взялась за приведение его в порядок. По мне, он и в нынешнем виде был всем хорош, но тёте Любе видней: она ведь шьёт одежду, значит, знает толк в красоте. Подумав немного, я решила, что

первым делом она бы заменила дяде Гене куртку: куртка у него была чёрная, вытертая на локтях, со скрепкой вместо бегунка на молнии.

Но время шло, куртка у дяди Гены не менялась, а чай пить он оставался теперь обычно только с моей мамой. Мама старалась накормить его наслом, которое ей за дешёво продавали какие-то знакомые в поликлинике, однажды подарила две банки с консервами: солёными огурцами и лечо. Кухня у нас была крохотная, стол там стоял вплотную к стене, так что уместиться за ним могло только два человека. Я забирала у мамы две тарелки с едой и уносила их в комнату, себе и бабушке.

Бабушку наш гость почти совсем не интересовал. А мне иногда очень хотелось посидеть на кухне и узнать, о чём говорят мама и дядя Гена. Делая вид, что мою руки, я потихоньку подслушивала их из ванной. Но всё подслушанное казалось мне скучным: в разговорах мелькали слова «цены», «Ельцин», «база», «приватизация», «коммунисты»... Только одно слово было смешным и непонятым — «Хопёр». Этот самый «Хопёр», как мне удалось понять, что-то продавал, а потом закрылся. Я рискнула спросить у дяди Гены:

— А что сделал «Хопёр»?

— Денежки мои увёл, — грустно улыбаясь, ответил он мне.

Мне от всего сердца стало жалко дядю Гену. Он всегда улыбался одними только губами, а глаза — ясные, светло-голубые — оставались у него печальными. Я подумала, что надо научиться шить и как-нибудь заштопать дырку в кармане дяди-Гениной куртки.

Дядя Гена стал приносить мне маленькие подарочки: то кедровые шишки, то кусок лиственничной серы, то шоколадные фигурки в фольге. Как-то он подарил мне прозрачный мячик-попрыгунчик, но стоило только подкинуть этот мячик во дворе, как он бесследно пропал. Я тщетно искала его в кустах, у скамеек, светила фонариком в щель у подъездной двери, но подарка нигде не было.

— Ничего. Вырастешь взрослой, будут у тебя дети, выйдешь с ними гулять во двор — а тут и мячик вдруг найдётся. Вот, скажешь, примета моего детства — игрушка-исчезайка.

Я не могу вспомнить, как часто он бывал у нас, но я быстро привыкла к нему и стала считать, что этот человек теперь для нас почти что родственник. В один из дней он спросил у меня:

— А ты отца-то своего помнишь?

— Нет! — бодро, почти радостно ответила я.

— Это хорошо! — обрадовался и дядя Гена.

Он повесил нам на кухне фанерный шкафчик, починил протекающий кран, залатал мои белые зимние сапоги, прибил оторвавшийся плинтус, — и всё это у него получалось удивительно легко, просто заглядене!

Однажды он привёз мне в подарок тёмно-золотистую рамку, в которую можно было вставить мой рисунок деревни. Я с любопытством повертела гранёную рамку в руках и брякнула:

— В тюрьме делали?

— Почему в тюрьме? — растерялся дядя Гена. — Это я сам...

Я извинилась и стала объяснять, что тётя Тома несколько раз привозила мне подобные сувениры — то шкатулочку, то браслет, то какую-нибудь фигурку из хлеба, и я привыкла, что такие занятные штуки умеют делать арестанты. Дядя Гена посмеялся, похлопал меня по плечу и, кажется, впервые показался мне по-настоящему довольным.

И я стала всерьёз подумывать: не залучить ли нам этого дядю Гену к себе? Он добрый, мама с ним становится веселее... Правда, его придётся кормить, но он рассказывал, что умеет собирать ягоды и грибы, даже рыбу ловит в речке, — небось с голоду не пропадём. Я стала вдвойне внимательно прислушиваться к тому, что говорит о дяде Гене мама, и решила потихоньку помогать этим глупым взрослым посильнее влюбиться друг в друга, как это делали девчонки в фильме «Я и моя тень».

Однажды мама обсуждала дядю Гену с тётей Любой:

— Люба, ну разве это мужик? Ходит как бомж...

— Его приодеть можно. Так-то он парень симпатичный.

— Ну, можно... — нехотя согласилась мама. — Главное, конечно, другое. Ну уволили тебя с завода, сократили. Ну помыкался ты месяц, два. Но ты другую-то работу найди! Мужик... руки вроде на месте, ноги, слава Богу, ходят. Так устройся ты на работу нормальную! Нет, переминается... Ещё с «Хопром» этим связался, дурак на поле чудес...

— Ну, на чё-то он живёт...

— Шабашит понемногу... Кабель медный отшелушил, на цветмет продал... Но это же не дело. У частников дрова колет. Печку вроде кому-то перекладывал там, у себя, в Водниках. Грибы, ё-моё, даже собирал и на какой-то пункт сдавал. Мужики вон в строительные бригады объединяются, ремонт, отделку делают. Ну можно при желании дело себе найти! А он мне что говорит? Хвастается, что грибы да бруснику собирает. Топинамбур у себя посадил, тоже ест! Кормовой овощ. Тыфу... — Стало быть, так ему нравится. Ему для себя хватает.

— Вот то-то и оно, что для себя. Он всю жизнь привык один жить... Боюсь, Любовь, его уже не переделаешь. Не поймёт, каково это, когда у тебя ребёнок есть, пить просит, которого лечить, учить надо...

Я вздохнула: рассказывать, как тяжело поднимать ребёнка, моя мама очень любила.

Мне захотелось побывать у дяди Гены дома, посмотреть, как у него сушатся грибы, узнать, что за

инструменты лежат на его чердаке, какие передачи он любит смотреть по телевизору. Он жил в каких-то далёких Водниках, сама дорога до которых обещала для меня приключение.

Хотя мама продолжала ворчать насчёт дяди Гены, я видела, что она всё-таки ждёт его прихода. Однажды в выходной, пока я лепила из пластилина человечков, она отмывала кафель на кухне и — удивительное дело — запела! Мама запела! Не бабушка, не тётя Люба:

А за окном то дождь, то снег,

И спать пора,

И никак не уснуть.

Всё тот же двор,

Всё тот же смех,

И лишь тебя не хватает чуть-чуть.

За окном и вправду творилось что-то непонятное: падал мокрый снег с дождём, дороги не чистились, и пройти по рыхлой снеговой каше от остановки до нашего подъезда было, наверное, не так-то легко. Но я знала, что дядя Гена пройдёт.

Поняв, что мама всё же равнодушна к дяде Гене, я немедленно увлеклась мыслями о нашей будущей жизни с ним. Вначале я подумала, что он, конечно, переедет к нам и будет спать с мамой на диване, бабушка останется на своей кушетке, а я, так и быть, буду ночевать на раскладушке, которую мы сейчас достаём для тёти Тома. Потом я решила, что каждую ночь на раскладушке спать слишком уж неудобно — нужна кушетка. Но кушетку уже занимает бабушка. Стало быть, бабушку надо куда-то деть. Куда? Само собой — на дяди-Генину дачу! Ведь там у него деревянный дом, огород, рядом лес — красота! Разве не по всему этому скучала бабушка?!

Я уже разворачивала в своей голове целые картины: вот дядя Гена приходит за мной в школу, и я знакомлю его с Володей, вот мы с ним бродим по лесу с большими корзинами под грибы, вот мама хвалит его за пойманную рыбу... А вот мы все втроём приезжаем в Водники к бабушке, которая наконец-то радуется деревенскому дому, свободе и довольно шурится от солнечных лучей.

Эти мысли так сильно занимали меня, что я предавалась им даже на уроках, и Раиса Ивановна стала делать мне замечания:

— Лена! Витаешь в облаках!

Да, я витала, погружалась в сладостные мечты, в которых все, кто мне дорог, были счастливы, и тётя Тома с тётей Любой тоже. Мне страшно хотелось сделать их всех счастливыми, а кто бы мог взяться за это нелёгкое дело, если не я? Бабушка уже совсем старая, а мама постоянно жалуется на жизнь, особенно когда смотрит новости на втором канале, и говорит: «Куда мы катимся? Что будет дальше?» Страшно ей думать о будущем, надо её поберечь и позаботиться о ней.

Я всё же догадалась спросить у бабушки, хочет ли она переезжать в деревенский дом, и она, к моему разочарованию, ответила, что, может быть, и хочет, но жить там одна уже не сможет.

— Почему? — горько удивилась я.

— Там же, дева, надо печку топить, надо хоть мало-мало дрова колоть, а я уже ничё не могу...

Я упала духом и несколько часов пребывала в растерянности, но потом нашла другое решение: раз бабушка уже не может сама жить в деревенском доме, тогда мы оставим её в квартире, а сами переедем в Водники. Правда, я тоже не умею топить печку и колоть дрова, но тётя Люба и сам дядя Гена как-нибудь меня научат... Я сообщила о своём плане Вовке, который, конечно, уже знал про дядю Гену. Друг, хотя поддержал меня, с грустью воспринял новость о моём возможном переезде. Но я заверила его, что разумею, какой автобус ходит из Водников, и каждую неделю в субботу стану приезжать к нему.

Я стала подступаться к матери:

— Ты к дяде Гене домой-то ездила?

Она странно посмотрела на меня:

— Ты о чём это?

— Ну, как у него там, дома? Места много?

Мама пожала плечами:

— Ты дачу имеешь в виду? Много места, только холодно там, неуютно. Полы дырявые... А что?

— Ну всё-таки там можно жить?

— Летом можно... Обычно-то ведь он в квартире однокомнатной живёт, такой как у нас. Приглашал и тебя в гости. Да ехать долго, не ближний свет.

— Как?! — возмущилась я. — Он меня уже приглашал, а ты не говоришь?!

Мам рассердилась:

— Что ты вообще пристала?! Скоро Новый год, он сам приедет к нам.

Но на Новый год дядя Гена не приехал — сильно заболел. Мама звонила ему по телефону, а я с нетерпением ждала, когда он поправится и появится у нас снова.

Следующим праздником был тётин-Любин день рождения, и туда выздоровевшего дядю Гену пригласили. Мы уже съели фаршированную рыбу и яичные рулетики с сыром, когда он появился в комнате и торжественно поставил на стол бутылку вина:

— Дорогой имениннице в подарок!

Тётя Люба приподняла бутылку, и стало заметно, что вина в ней налито только две трети. Хохотнув, именинница плеснула красненького себе и пришедшему гостю и предложила выпить: — За то, чтобы стаканы у нас всегда были наполовину полные, а не наполовину пустые!

— А у меня и закуска есть, — оживился дядя Гена, доставая из широких штанин половину большующей шоколадки.

Мама едва досидела до конца дня рождения, а назавтра долго, очень долго повторяла тётя Любе: — Это же надо! Как он меня опозорил!

— Лопухнулся мужичок, — соглашалась тётка. — Лучше б, конечно, одну шоколадку принёс, да целую. Или у соседа какого-нибудь занял, раз денег нет.

— Прости, Любовь! — горячо извинялась мама. — Разве я знала, что этот, прости Господи, Гена такое выдаст? Так опозорить!

— Не бери в голову, — махнула рукой тётя Люба. — Он и в молодости был странный. Ты-то здесь ни при чём.

После этого случая дядя Гена больше не появлялся у нас дома. Поняв, что рухнули все мои планы с переездом, грибами, рыбалкой и кем-то похожим на отца, я заревела и кинулась на мать с обвинениями:

— Что ты так на него обиделась?! Подумаешь, человек полшоколадки принёс! В стране кризис, денег нет, «Хопёр» разорился, война Чеченская идёт, а ты жалуешься, что полшоколадки!!

Мама попыталась урезонить меня:

— Пойми ты, что так не делается. На день рождения несут хорошие вещи. Мы что, когда-нибудь дарили тётя Любе полфлакона шампуня вместо целого?

Я насупленно промолчала. Мама продолжала: — И тем более мужчина должен ухаживать за женщиной, дарить ей подарки. Мы ещё с тобой не затрагивали эту тему, но теперь знай.

— Он подарки дарил, — буркнула я.

— Это какие? Шишки и бруснику? Подарки должны быть другими. Вырастешь — и поймёшь.

Я чувствовала, как из глаз у меня сами собой катятся горячие слёзы:

— Нормальные подарки! Это ты жадная! Много хочешь! Поехали бы к нему в Водники, жили бы там! А полы бы тётя Люба помогла отремонтировать!

Мама рассерженно фыркнула:

— Знаешь что, моя дорогая! Вот вырастешь, и желаю тебе самой встретить такого вот дядю Гену. Тогда поймёшь, что это за сомнительное счастье.

Оставив меня подумать и поплакать, мама ушла на балкон.

О великая сила материнского слова! Я действительно выросла, встретила и поняла. Я узнала, каково это — смотреть на то, как любимый человек, которому ты желаешь всяческого блага, потерял себя в этой жизни и, пытаясь отыскать, бродит по лесам и плавает по речкам. Я собирала вместе с ним бруснику, лазила на горы и извинялась перед подружкой за его странности...

Но — была счастлива.

Глава 5. Побег

Когда я пошла в третий класс, мама устроилась на вторую работу, в частную клинику. Там обещали небольшую, но стабильную зарплату. Без

этой подработке нам было попросту не выжить: в поликлинике мамина получка стала не дотягивать даже до миллиона, а бабушкина пенсия была вовсе невелика.

На второй маминой работе я бывала часто. Туда к ней приходили богатые тётеньки. Они ложились на кушетку, мама подключала к ним аппараты, и тётеньки худели, попутно изливая маме душу. Мне их рассказы были скучны и непонятны, но в памяти осталось, как мама делилась с тётей Любой чьей-то историей:

— «Я, — говорит, — живу как в золотой клетке. У меня и деньги есть, и одежда, но я не могу никуда выйти. Только сюда, в салон красоты, и к маме с сестрой». Вот жизнь-то!

— Несладко бабоньке. Богатые тоже плачут, — посочувствовала тётя Люба. — А мы с тобой, мать, свободны как ветер, только что в карманах пустота. Зато никто за нами не следит. Гуляй — не хочу!

Я молча согласилась с тётей Любой и подумала, что уж за богатого нипочём замуж не пойду. Охота была сидеть в золотой клетке!

После частной клиники мама возвращалась домой, наскоро готовила ужин и усаживалась со мной за уроки. Русский и чтение я могла сделать, пока была дома с бабушкой или на маминой работе. Английский язык, к моему счастью, мама не знала от слова «совсем», поэтому я делала его сама, как могла. Зато к математике, природоведению, изо, трудам и предмету под названием ТРИЗ («Теория решения изобретательских задач») я даже не прикасалась без маминой команды.

— Ну, Лена, открывай уроки, — говорила мне мама часов в девять или десять вечера.

Вначале она тщательно проверяла у меня русский, потом просматривала дневник и, если назавтра значились изо или труды, принималась за них. Когда нам нужно было сшить мягкую игрушку, мама нашла чертёж милейшего Чебурашки, ловко обрисовала контуры деталей на куске плюша и заставила меня их вырезать. Я повторяла стихотворение, погружаясь в дрему, а мама до часу ночи шила Чебурашку. Он получился чудным: с зелёными глазами-пуговицами и милой, засенчивой улыбочкой из алого сагина. Ребята восхищались моей игрушкой, но мне в глубине души хотелось сделать что-нибудь страшненькое, кривоватое, зато своё.

Такая же история была и с рисованием. Мама считала, что я не умею рисовать красками, поэтому, посмотрев задание по изо, сперва тщательно выбирала картинки, с которых мне предстояло срисовывать людей, деревья, дома, потом усаживала меня за карандаш и ватман, а после уж сама раскрашивала то, что получилось. Я робко возражала ей, что помогать не надо, что я справлюсь сама, но мама была уверена, будто я крашу неаккуратно, да к тому же не умею подбирать цвета.

Поэтому она сидела над картинками сама — то в выходной, то до ночи, вызывая упрёки бабушки: — Ни сама не спишь, ни людям не даёшь...

— Так ты спи, — говорила мама.

— Я не андел, при свете-то спать не могу...

Мама тщательно вырисовывала ветки деревьев, прутья забора, тротуары, перила, узоры на одежде. Иногда она даже отпирывала меня спать и доделивала всё сама, а утром я видела перед собой идеально покрашенную многоцветную картинку, в которой не было ни одного случайного пятнышка. Однажды нам задали нарисовать вид из окна, и тут я замучилась, изображая и переплётыв на окнах соседнего дома, и собаку на чьём-то балконе, и рекламу на гараже. Около часа ночи я попросилась спать, а мама всё раскрашивала, неутомимо обмакивая кисточку в воду и набирая новый цвет для отделки очередной детали. Она тогда легла около четырёх часов, а в шесть с половиной уже встала, чтобы собраться в поликлинику. Картину нашу повесили на втором этаже школы.

Но рисование — это было полбеды. Настоящее бедствие являла собой математика. До первого класса я сносно решала примеры на сложение и вычитание, справлялась с простыми задачками из весёлой книжки Остера, могла начертить простые фигуры и сложить несколько узоров «Уникуба». Но в школе вслед за первым и вторым десятком пошли двузначные числа, которые надо было как-то складывать, вычитать и, наконец, самое страшное — умножать и делить.

Умножение во втором классе мама вбила в мою голову нудными объяснениями и деревянной линейкой.

Я наивно думала, что уже постигла арифметическую премудрость, но к середине третьего класса началось деление. Мама поначалу действовала упорством, терпеливо показывала мне, как нужно выполнять примеры. Я смиренно слушала, пыталась запомнить, но потом всё равно делала ошибки. Мама кричала, ругалась, а однажды даже подошла к иконе Богородицы, которая висела у нас на кухне, и воскликнула отчаянно:

— Господи! Дай Ты ей ума!

— Не чересчур бы много, — откликнулась из комнаты бабушка.

Однажды случилось так, что мама пришла с работы поздно, потом ещё занималась на кухне каким-то варевом, и села со мной за уроки уже после десяти часов. После «лёгких» уроков мы принялись за математику.

Математику в те времена преподавали не простую, а развивающую. Героями ярко-голубого учебника были бабушка Варвара и четверо гномов: Дитрих, Руди, Аристарх и ещё один, имя которого стёрлось из моей памяти. Неугомонная бабка сажала огород, вязала гномам носки, красила

пол, и все эти метры земли, мотки пряжи, банки краски надо было бесконечно подсчитывать, да ещё и рисовать на каждый случай какие-то мерки и схемы.

На сей раз бабушка Варвара накупила гномам целую кучу конфет, и нет бы отсыпать каждому по горсти, так задала задачу разложить эти конфеты в коробку, да ещё с нелепым условием: чтобы в одном ряду было не больше столько-то штук. Есть же такие люди: вроде и сделают добро, а взамен столько тебя намучают, что проклянешь их подарки и помощь!

Мама, сама изрядно уставшая, вталдычивала мне условия задачи, рисовала какие-то клеточки, повторяла про увеличение мерки. Я пыталась слушать её, но глаза у меня сами собой слипались, и я была в состоянии думать только о том, что завтра будет пятница, последний учебный день, что Володя обещал показать мне свою коллекцию смурфиков из «Киндер-сюрприза» и подарить одного, который мне больше всех понравится.

Мама спросила, всё ли мне понятно. Я, разумеется, ответила, что всё, но решить ничего не сумела. Закипая, родительница принялась объяснять мне задачу во второй раз.

Я, конечно, сидела смиренно и делала вид, что слушаю, но голова сама собой клонилась к столу, и, сколько бы я ни пыталась стряхнуть сон, он подкрадывался ко мне, как кошка на мягких лапах, чтобы поймать в свои объятия и утащить прочь от всяких мерок и таблиц.

Когда я опять не смогла написать ничего толкового, мама швырнула в меня учебник, стала трясти за плечи и кричать, что я не сойду с этого места, пока не сделаю домашку.

Во мне разыгралась обида, и я, подскочив, стряхнула со стола тетрадь и пенал, а несчастный ученик математики подобрала с пола и с наслаждением швырнула в стену.

— Вот тебе! — крикнула я проклятой голубой книжке. — Я тебя порву, растерзаю, выброшу!

Мама вдруг обрела хладнокровие и скептически промолвила:

— Ну-ну. Порви.

— И порву! — воскликнула я, но уже с шевельнувшимся опасением.

Я закинула учебник на шкаф, надеясь, что оттуда мама его не скоро достанет.

— Села быстро! — приказала мне родительница. — Ты у меня будешь делать, что я скажу.

Я вспыхнула. Нет, до каких пор это может продолжаться? К чёрту всю эту математику, деление, домашку! Я вообще не хочу больше оставаться здесь!

— Прощайся со мной! — крикнула я маме.

Я схватила старый советский портфель с енотом, который мне подарила одна тётянька с завода, и стала складывать в него всё, что могло пригодиться

в пути. Я вытащила из шкафа две пары носков, три пары трусов, одни шерстяные колготки и всё это уложила в рюкзак. Немного подумав, кинула тапочки и расчёску.

В тот момент я была серьёзна как никогда. Вытирая бегущие по разгорячённому лицу слёзы, я думала, что переночую в подъезде, а утром сяду на троллейбус «пятёрку» (у меня хранился тайный запас в семь или восемь тысяч) и доеду до железнодорожного вокзала. Там прокрадусь на какой-нибудь поезд, который идёт на север, а может быть, на юг... На юг, пожалуй, лучше: там тепло и, наверное, есть море. И никакой больше математики!! Я попрошусь куда-нибудь в столовую мыть посуду или буду мести двор. Теперь я это уже умею, значит, заработаю. Главное — продержаться до лета, а там я напишу письмо Володе, и он приедет ко мне...

Вытирая слёзы, я решительно направилась к книжному шкафу и вытащила оттуда «Золотой ключик, или Приключения Буратино».

— Мать, ты глянь-ка, чё она делает... — пробормотала бабушка. — Она ведь правда уйдёт.

— Ну конечно, — усмехнулась мама. — Куда ей идти?!

Чувствуя, что к горлу опять подступает комок, я прошмыгнула на кухню и схватила со стола первое увиденное — завернутый в пакет из-под молока кусок белого хлеба.

В коридоре мама уже без усмешки смотрела на то, как я надеваю шапку, белые сапоги, застёгиваю красную искусственную шубу. Накинув на одно плечо рюкзак с енотом, я отомкнула дверь и выбрела в коридор.

Не видя ничего перед собой, я наугад нажала кнопку лифта, вошла внутрь и ткнула на первый этаж...

Мама каким-то чудом оказалась уже внизу. Она сгребла меня в охапку, отобрала портфель и втокнула обратно в лифт. Она повторяла одни и те же слова:

— Ты что, правда?! Ты что же, правда?!

Я опять заплакала, но уже не зло, а обессиленно. Мама впихнула меня в квартиру, раздела, уложила на диван. Бабушка что-то причитала, мама отвечала ей, но я их не слушала, погрузившись в усталое равнодушие. Уже на пороге сна я неожиданно вспомнила:

— А математика?

— Какая математика?! — всплеснула руками мама. — Спи! Я тебе сделаю всё... Завтра с черновика перепишешь.

Я погружалась в блаженный отдых, с наслаждением вытягивала ноги на прохладной простыне и выхватила краешком сознания, как родительница, потроша мой портфель с енотом, повторяла:

— Нет, она же сумасшедшая... Она всё может... Сумасшедшая. Такие в партизаны шли.

С тех пор мама отступилась от меня с уроками. Она, конечно, продолжила их проверять, пыталась объяснять все темы и задания, но если мы чего-то не успевали после двенадцати, мама, потеряв надежду качественно объяснить мне материал, сама писала всё нужное на листочке. О прикладных предметах и говорить было нечего: тут она продолжала рисовать, клеить и шить по большей части самостоятельно. Как, к сожалению, и многие другие мамы из нашего класса, судя по прекрасным поделкам и плакатам, которые приносили на уроки мои товарищи.

Третий класс незаметно подошёл к концу. В двадцатых числах мая мы с родительницей, наряженные и с завитыми на термобигуди локонами, отправились поздравлять тётю Тому, праздновавшую в том году свой юбилей. По дороге я напевала недавно разученную в школе бодрую весеннюю песенку:

У дороги чибис,
У дороги чибис,
Он кричит, волнуется, чудак!

— Перестань ты орать, а? — просительно сказала мне мама. — Привыкли с бабушкой голосить с балкона, людей пугать...

— Не бойся! — махнула я рукой. — Машины гудят — не слышать ничё!

После шумного Свободного проспекта я всё-таки замолчала, но спокойно идти не могла: ведь впереди был тёти-Томин день рождения, а потом лето — яркое, звенящее, весёлое! Тротуары были устланы опавшими и уже подсыхающими пурпурными серёжками тополей, черёмуха одуряла кондитерским запахом, а небо сверкало, как чисто вымытое зеркало. Нарядность весны затмевала бедность кварталов на Маерчака и Калинина, унылых и грязных в зимнюю пору. На фоне пышного праздника природы не замечались изгаженные граффити стены двухэтажек, битые стёкла, шприцы и мусор. Из всех домов, жилых и заброшенных, в детстве привлекал моё внимание только один. Это был красный кирпичный особняк, расположенный по ту сторону улицы Калинина, которая была ближе к железной дороге. Он казался мне похожим на средневековый замок — и огромной толщиной стен, и высокими узкими окнами, и зубчатыми круглыми башенками. Я думала, что в таком большом доме должно жить много людей, но даже сквозь высокий забор было видно, что пространство около него всё поросло бурьяном. — Мама, а почему этот дом пустой? — спросила я. — Хозяин помер, видно. Бандитом был, свои уложили. Вот и дом бесхозный остался, — усмехнулась мама. — Полягут они когда-нибудь все. Отольются им наши слёзы.

Я посмотрела на неё с удивлением, но уже через несколько секунд вновь стала думать о лете,

о том, как с Витькой и Танькой — братом и сестрой, соседями по подъезду, — стану ходить по дворам и собирать бутылки, сдавать их в ближайшем магазинчике и покупать жвачку «Лав из» или «Турбо» за тысячу, вкуснейшую китайскую лапшу «Александра и Софья» за две тысячи, а если повежёт, то и «Марс» или вафли «Кукурука»...

За тёти-Томиным столом были и уже знакомые мне Снежана с её сыном, и около десятка других родственников и знакомых. Я основательно заправилась картошкой, курицей, греческим салатом и тортом «Черепашка». Кто-то из гостей или соседей вынес во двор двухкассетный магнитофон. Из больших динамиков послышался стук барабанов, заискрилась весёлая мелодия, и под песню про мальчика, который неведомо почему хочет в Тамбов, мы с Сашкой и какими-то девчонками скакали и носились по двору. Потом, немного отдохнув, прыгали с невысокого гаража, пускали мыльные пузыри и расстались в самом хорошем настроении.

Для полного счастья мне хотелось ещё остаться у тёти Томы ночевать, но в синих сумерках мы с мамой вернулись на остановку и сели на покачивающийся четвёртый троллейбус, который, проплыв уже пустынную улицу Калинина и весь Северо-Западный район, вернул нас домой.

Я снова погрузилась в сладостные мечты о лете и успела даже подумать, что, может быть, тётя Люба снова возьмёт меня в деревню. Но мама огорошила меня новостью:

— Тебе к началу июля нужно ложиться в больницу.

Я так и подскочила с дивана:

— Зачем?! Ничего же не болит!!

— Мало ли что не болит. Ты в два года, а потом в пять лет с почками лежала, с пиелонефритом. Так, думаешь, это бесследно проходит? Надо всю жизнь, по-хорошему, проверяться. Ляжешь на обследование.

Я начала ворчать, и мама добавила:

— Тем более не на всё лето. Две недельки, максимум три, и гуляй ты в своём дворе...

Июль наступил быстро. Меня положили на четвёртом этаже краевой детской больницы. Из окна палаты были видны дорога и краешек прохладной сосновой рощи, куда очень тянуло убежать.

Моей соседкой по палате была симпатичная кареглазая девочка из маленького городка. Первым делом после знакомства она спросила меня: — Ты что слушать любишь?

Я назвала ей несколько песен из нашего семейного репертуара. Девочка округлила глаза и укоризненно сказала:

— Ну ты даёшь. Сейчас все «Нэнси» слушают. Ещё Таню Буланову. И Женю Белоусова. И Влада Сташевского.

Девочка (звали её Света) привезла с собой кассетный плеер и дала мне послушать «Нэнси»

и Сташевского. Мне понравилась песня про девушку мечты, которую нарисовали, да любви её так и не получили.

— Ты из какой деревни-то? — спросила меня Светлана.

— Из главной, — ответила я. — Называется Красноярска.

Света была удивлена.

— А что делаешь, если музыку не слушаешь?

— Читаю, — ответила я. — Ещё рисую.

Рисунки мои девочке очень понравились, и мой имидж в её глазах несколько улучшился. Добавили мне плюсов и «Сказки Западной Европы», которые я принялась пересказывать девочке по вечерам.

Она научила меня стирать на руках и причёсываться. Я носила длинные волосы, и моя соседка с удовольствием расчёсывала и заплетала их, используя целый ворох привезённых с собой резиночек и заколочек. У моей новой подружки была густая чёлка до бровей, которая показалась мне очень красивой. В один прекрасный день я свесила большую прядь своих волос на лоб, взяла ножницы и решительным движением отчекрыжила себе чёлку. — Ну как? — поспешила поинтересоваться я у Светы и двух других ребят из соседней палаты, с которыми мы тоже стали общаться.

На меня смотрели сочувственно.

— Знаешь, Лена... Тебе чёлка не очень идёт.

Я придиричиво оглядела себя в зеркале. Чёлка и вправду лежала как-то кривовато и не сказать чтобы красила меня. Веря, что любое нечаянное действие всегда можно исправить, я снова схватила ножницы и обрезала этот неудачный эксперимент под корень.

Светка так и ахнула, а я, поплевав на руку, пригладила ёжик и уверенно изрекла:

— Так тоже интересно.

Спустя неделю нам всё-таки стало скучно в больнице. Из развлечений у нас были телевизор, который выключали после восьми часов, игровая комната, работавшая до пяти вечера, альбомы с карандашами и Светкин плейер с модной музыкой. После восьми мы забавлялись моими сказками, чтением журнала «Попкорн», несколько номеров которого оказалось у мальчюка из соседней палаты, и ловлей тараканов, которые поздним вечером обильно выползали в санузел и коридор. Мы хлопали их тапками и, насобирав порядочное количество, выбрасывали в мусорку. Однажды я и соседский мальчик даже устроили соревнование, кто больше тараканов поймает за час. Кажется, он победил.

Вдобавок ко всему на город опустилась жара. Нас выпускали гулять исключительно с родителями, которые, само собой, работали и могли навесить своих болящих отпрысков только по вечерам. Утром и днём нам приходилось томиться

в четырёх стенах. Мы спрашивали медсестёр, можно ли выйти погулять, но они разрешали прогулку в присутствии если уж не папы и мамы, то какой-то специальной тётенки, назначенной приглядывать за нами. Эта тётя была почему-то занята, и нам оставалось ждать вечера и слоняться по больничным коридорам, ища прохладу возле приоткрытых окон.

— До каких пор это может продолжаться?! — возмутилась однажды я. — Сидим мы тут взаперти, сидим и не боремся за свои права. Нам свободы не дают, а мы терпим!

— Это точно, — согласились ребята.

— Так надо убежать! — загорелась я идеей. — Неужели мы не можем хотя бы на какой-то час выйти погулять? На дворе лето, а мы все тут торчим.

Ребята грустно кивали, а соседский мальчишка спросил:

— Как же нам выйти?

Я задумалась и через несколько секунд сказала: — Устроим...

Внизу около стеклянной двери, ведущей на улицу, был пост, где дежурили молоденькие медсестры. План побега родился у меня спонтанно, когда я увидела, что к стеклянной двери подошли какие-то мужчина и женщина, которые, похоже, не спешили уходить, а что-то внимательно читали на противоположной стене.

— А к нам с сестрой пришли, — я выхватила Светку за руку и притащила к посту. — Вон они стоят.

Света увереннейшим образом кивнула головой и построила милые глазки.

— Ну мы пойдём? — непринуждённо спросила я и для верности помахала своим названным родителям через стекло.

Медсестра разрешила нам выйти, но начала что-то искать в столе и, похоже, не найдя, сказала неизвестно кому вслух:

— Надо сходить...

Не договорив, она поспешно выбежала в коридор.

— А вы что стоите? — махнула я соседям из другой палаты. — Пошли скорей к нам!

От крыльца мы поскорей рванули в сосновую рощу и метрах в трёхстах от забора больницы остановились, переводя дух.

— А что теперь делать? — спросила меня соседская девочка.

Я оказалась в затруднительной ситуации, в какую попадают все прошенные и непрошеные благодетели, когда «доброе дело» уже сделано, а вместо благодарности предвидятся вопросы и непонимание.

— Как что?! Гулять! Сейчас будем собирать грибы! — нашлась я. — Мы со Светой идём в эту сторону, вы — в ту! Соревнуемся, кто наберёт больше!

В урожайный год маслята и шампиньоны в Красноярске растут прямо в городе. Нам повезло:

совместными усилиями мы отыскали штук пять или шесть грибов и сложили трофеи в общую кучку. — У меня бабушка возле дк «Кировского» каждый год ходит за подтополёвиками, — похвастался мальчик-сосед.

Светку передёрнуло:

— Их же нельзя есть! Они отравленные!

— Сама ты отравленная... Бабушка маринует каждый год. У нас ещё и кабачки с тыквами возле подъезда растут. Всё едим.

Я запереживала, что ребята поссорятся, и с неостывшим энтузиазмом предложила:

— Теперь шишки будем собирать! Потом из них поделки сделаем в больнице!

Мои подопечные кинулись на поиски шишек, а я вдруг увидела, как сквозь золотистые стволы сосен к нам стремительно приближается какая-то белая фигура. Зрение в тот год у меня уже начало сдавать, так что я далеко не сразу поняла, что это всего-навсего медсестра, и спервоначалу изрядно струхнула.

— Нашла! Нашла! — ошалело кричала она, пытаясь прямо на ходу уцепить Светку за кофту. — Ой, хулиганы!

Она причитала высоким голосом, ругала нас хулиганами, обманщиками и врединами, но все эти слова звучали у неё нисколько не обидно — наоборот, как-то жалостливо.

— Вы знаете, что со мной сделают, если вы пропадёте?! — воскликнула с тоской медсестричка.

— Нет, — честно ответили мы.

— Голову с меня снесут, вот что!

Я была поражена. Мне не приходило на ум, что наше безобидное желание погулять принесёт кому-то такие беды.

Медсестра привела нас четверых к главному врачу. Главврач, усатый плотный дядька, вперился в нас изучающим взглядом и спросил довольно сурово:

— Ну и кто всё это придумал?

Я молча сделала шаг вперёд и, набравшись смелости, посмотрела на него. Главврач стал глядеть на меня ещё пристальнее.

— Жарко очень. На улицу хотелось... — вздохнула я.

— Выходит, ты придумала?

Я медленно кивнула.

— Молодец, — неизвестно за что похвалил меня главврач. — Ну и как нам вас наказать?

Медсестра, будто опомнившись, зачастила словами:

— Вот эта девочка высокая... вот она подошла ко мне с этой, тёмненькой, и говорит: «Там наши родители». Я ещё хотела отметить фамилии, а смотрю — списка нет. Я побежала...

— Понятно это, — остановил её главврач. — Что они не любят, эти чудо-дети?

— Спать! — обрадованно крикнула медсестра. — Всё время по ночам шаробортятся да смеются.

— Ну, вот и выход. Пусть прямо сейчас идут и спят. И не выходят из своих палат до обеда. Чтоб лежали тихо, как мыши!

— А после обеда что, опять спать? — грустно спросила Светка.

— Не опять, а снова. Сам буду контролировать. Марш в палату!

Ах, как часто во взрослой жизни вспоминалось мне это наказание сном! Когда оно успело превратиться в награду?

Мама всё-таки устроила мне в то лето настоящий отдых. Когда я вернулась из больницы, обогащённая новыми знаниями о музыкальных группах и опытом стирки мелких вещей, она обильно накормила меня печёной цветной капустой в сухарях, сахарным горохом, смородиной и объявила:

— Звонили из соцзащиты, неожиданно дают тебе путёвку в лагерь. Поедешь?

— Поеду! — немедленно согласилась я.

Лагерь находился в Сосновоборске. За пару дней до отъезда мы отправились на КрастЭЦ — китайский рынок, вещевые ряды которого неизмеримо пахли резиной и пластиком. Мама накупила там для меня всякой всячины: миниатюрную юбку-резинку ядрёного зелёного цвета, вельветовые бермуды, штуки четыре футболки, силиконовые ветнамки, разнообразные резиночки и заколочки. — Будешь там не хуже других одета! — радовалась она.

Но главной нашей покупкой стала шикарная разноцветная сумка с надписью «Coca-Cola». Эта сумка прожила долгую и весьма насыщенную жизнь: она бывала со мной во всех последующих «лагерных» поездках, в ней я перевозила вещи на свою первую отдельную квартиру, в неё неоднократно складывали картошку и прочие огородные дары знакомые из деревни. А однажды сумка даже побывала в Париже: мама одолжила её моей однокласснице, и на одной фотографии, сделанной во французской столице, очень чётко видна моя замечательная сумка с расцветкой и надписью девностых.

Девочки в лагере с порога комнаты встретили меня расспросами:

— Ты где живёшь?

— Наклейки собираешь? Какие?

— А чупа-кэпсы?

— Видела фильм с сёстрами Олсен? Тебе кто из них больше нравится?

— Журнал Cool читаешь? У нас несколько номеров лежат.

— Сериалы какие смотришь? Мы — «Элен и ребята». И «Секретные материалы».

— «Инвайт» с каким вкусом любишь? У нас малиновый и ананасовый есть.

Переведа дух, я не спеша ответствовала, что хотя видела и читала не всё, но вполне понимаю,

о чём ведётся речь, продемонстрировала тетрадку с приклеенными вкладышами от жвачки «Лав из» и была единодушно принята в местную девчачью компанию.

На открытие лагеря нам устроили шикарную дискотеку, где мы, одетые кто в спортивные костюмы, кто в джинсу, отплясывали под «Иванушек», «Руки вверх» и ставшего модным Рики Мартина с его песней *Living' la Vida Loca*. Мне казалось, что пылкий пуэрториканец кричит и жалуется: «Обдурился я! Время любви далёко!»

Лагерь, как любая детская организация, жил по расписанию, но свободы нам давалось достаточно. Мы ходили гулять в лес неподалёку, собирали малину и крупную костянику.

Я жила в одной комнате с тремя соседками, а в соседней располагались ещё три девочки. Больше всех я сдружилась с Наташей, степенной девицей, которая, когда сердилась, смотрела на виновников беспорядка по-учительски укоризненно. Наташа охотно рассказывала о своём брате, дедушке, маме, показывала мне их фото. Отец её тоже не жил с ними — ушёл, верней, ему пришлось уйти, когда он сильно пристрастился к выпивке.

— А я про папу своего вообще не знаю. Мама не говорит, — сказала я.

— Тоже, значит, пил, как мой, — вздохнула Наташа. — Крутом одно и то же. Пьют мужики.

Эту серьёзную девочку с толстой косой принялась дразнить белокурая бестия Соня. Наташа была неловкой, однажды поскользнулась и упала на физзарядке, и Соня — сама гибкая, прыгучая — стала откровенно насмехаться над ней. Наташа приходила ко мне в комнату и жаловалась, что Сонька перепрыгивает и перекладывает её вещи, испачкала кремом полотенце, передёргивает её слова и походку. Всё это было хоть неприятно, однако терпимо. Но когда плачущая Наташа сказала мне, что Сонька ночью разлила на её вещи газировку, чтобы все думали, будто она описалась, я возмущилась по-настоящему:

— Так! Больше это продолжаться не может!

— Я не буду с ней спать! — плакала Наташа.

— Не будешь! — неожиданно для себя поддержала я её. — Это я с ней буду спать вместо тебя!

Наташа удивлённо привстала с кровати.

— Ты это всерьёз? — прошептала она. — Сонька очень вредная...

— Всерьёз, всерьёз. Надо же что-то делать! — бодрила я сама себя словами.

Наташа растерянно улыбнулась:

— Тогда нужно постельное переменять.

— Зачем? — не поняла я.

— Ну как же? Ты же после меня не будешь спать на этой простыне. Постелем мне мою.

Подумав, что некоторые всё-таки любят излишние сложности, я согласилась и нехотя стала стаскивать пододеяльник.

Сонька встретила меня насмешливо. В глубине души я и сама побаивалась жить с ней в одной комнате. В плане ловкости я недалеко ушла от Наташи, и подразнить меня, как всякого человека, разумеется, было за что. Сонька уже ехидно поинтересовалась, не писаюсь ли я по ночам, как некоторые, и мне становилось всё больше не по себе.

Спасла меня гроза. Рамы у окон в лагере были старые, фрамуги открывались на себя и, когда к ночи задул крепкий ветер, предательски пошатывались и гремели.

— Как страшно! — прошептала Рита, тоненькая девочка небольшого роста.

Соня проворчала, что такая мерзкая погода не даёт ей спать:

— Сейчас ещё молния как шарахнет по нам... Между прочим, может и человека убить.

Она забилась в угол и закуталась в одеяло.

А мне до смерти захотелось вдохнуть свежий запах дождя.

Я забралась на стол, открыла верхнюю фрамугу и высунула голову в окно.

— Ты сумасшедшая! — закричала Сонька.

— Знаю! — крикнула я, подставляя лицо под тёплые водяные потоки.

Я выскользнула обратно и собралась открыть другое окно — большое, нижнее, но девчонки завизжали хором и замахали на меня руками.

— Ладно уж, — как бы снисходительно сказала я, закрывая крюк. — Хорошо-то как в грозу! Я вот люблю дождь!

— Дождь и я люблю, — сказала Соня. — Но не такой же! Тихий, тёплый. А это безумие какое-то.

— Зато красиво! Молнии золотые сверкают... И вода шумит, как масло на сковороде. Небо такое тёмное, бездонное... Красота!

Назавтра о моих подвигах доложили начальству, то есть воспитательнице. Факт самовольного переезда в другую комнату был налицо, Наташка при первом допросе свалила ответственность на меня, а о том, что вчера ночью я высовывала голову в окошко, доложила уже Сонька. Причём последнее обстоятельство было ещё и приукрашено: по словам моей соседки, я ещё и стояла на краю подоконника, якобы собираясь прыгнуть.

— Это она уже врёт! — защитилась я.

Насчёт окна воспитательница поверила мне, но за переселение отругала и лишила полдника. Впрочем, поговорив с Наташей и Сонькой, решила остаться нам на новых местах.

Я взяла с собой в лагерь множество интересных вещей: россыпь винтиков, пластилин, изоленту, наклейки, складной ножик, свечку и спички. Принеся однажды из столовой кусок хлеба, я задумала немного поджарить его на свечке, чтобы стал хрустящим. План удался: хлебушек обуглился,

но стал как будто чуть ароматнее и, кажется, впрямь слегка хрустел.

Я стала таскать хлеб с ужина и паужина почти в оптовых масштабах. Тосты на свечке по моему рецепту полюбились и Соне, и Натахе, и другим девочкам. Обнаружив под моей подушкой хлебный склад, воспитательница во второй раз наказала меня, запретив идти на самодеятельное шоу «Угадай мелодию».

Был чудесный тёплый вечер, до меня доносились радостные возгласы участников игры и всплески музыки. Я заплакала от обиды. Что же я сделала плохого?! Спасла девочку, угощала всех вкусным хлебом... И меня же за это ругают. Вот уж правильно говорил кто-то: «Не делай добра — не получишь зла». Ничего хорошего всё-таки нет в этом лагере... Не такой была моя Раиса Ивановна... Она бы уж, наверное, не стала меня ругать за добрые поступки.

Затаив обиду на воспитательницу, я спустя пару дней после этого шоу затеяла с Ритой и Сонькой какую-то шумную игру в тихий час. Тут же появилась воспитательница. Мои соседки немедленно попадали по кроватям, делая вид, что спят. Я же демонстративно осталась стоять посреди комнаты. Воспитательница вздохнула и за руку отвела меня в коридор, велев ждать её там к концу тихого часа.

Я стояла одна в скучном коридоре и с тоской думала, что меня никто не понимает. Пришла не совсем серьёзная, но сладкая мысль о том, что надо убежать отсюда, раз ко мне относятся так несправедливо. Начав размышлять в этом направлении, я стала вспоминать, как мы добрались на автобусе до лагеря, и, кажется, припомнила дорогу.

«Если что, можно будет и у прохожих спросить, — говорила я себе. — Ну и что, что нету денег? Можно в крайнем случае и на машинах доехать».

Погружённая в свои планы, я не заметила воспитательницу, которая возникла прямо передо мной и изрядно напугала неожиданным появлением. — Лена, зачем ты это делаешь? — спросила она.

— Что? — притворилась я.

— Зачем хлеб таскала, на сон-часе кричала?

— Так я обиделась, что вы не разрешали Наташку переселять.

— Я не разрешала?! Я такого не говорила. Говорила другое: надо было предупредить меня. Объяснить, что, как, почему. А то твоя Наташа молчит и терпит, а ты самовольничаешь. А хлеб зачем брала? Тебя что, дома не кормили?

Я как-то сразу смутилась.

— Хлеб — он, понимаете, очень вкусный... Такой белый, свеженький. А когда его на свечке ещё поджаришь, получается неповторимый аромат...

Воспитательница усмехнулась.

— М-да, художественно описываешь. Ну что ж, выведем вас всех в лес, разведём костёр и поджарим хлеб и сосиски. А тут нечего тараканов разводять.

Я согласно кивнула.

— Больше ты ничего не хочешь сказать?

— Нет пока...

Воспитательница молчала и пристально смотрела на меня. Я совсем не догадывалась, что стоит извиниться, и пустилась в красочные воспоминания: — Знаете, хлеб когда свежий — так вкуснее лакомства нет. Вот маме моей в этом году от соцзащиты дали такую льготу: бесплатно хлеб в пекарне получать. Я туда бегаю через день. Прибежишь, а он такой мягкий, душистый! А корочка такая хрустящая... Пока до дома его несю, корочку и сложу всю. А хлеб, жалко, только через день выдают. Думают, мы два дня его едим.

Воспитательница задумчиво кивнула и сказала, что я могу быть свободна. Мне уже никак не хотелось огорчать её, я послушно ушла в комнату и пролежала весь остаток тихого часа на кровати, не говоря девочкам ни слова. Вечером после ужина воспитательница встретила меня на крыльце корпуса. Вечер был такой тихий, щемяще нежный, что многие из ребят и взрослых наслаждались им, просто сидя на ступенях или лавочках возле корпусов. — Лена, ты где живёшь? В Красноярске? — спросила меня воспитательница.

— Ага.

— С кем, с мамой?

— С мамой, с бабушкой, — охотно отозвалась я на вопрос, очень радуясь, что между нами убрана какая-то мешавшая преграда. — На окраине мы живём, — прибавила я, зачем-то желая подчеркнуть, что не в центре, хотя до настоящей окраины нашему дому было ещё очень далеко.

— Там и огород у вас есть?

— Есть, — почему-то соврала я. — Кабачки выращиваем, картошечки полоску, ну и так, по мелочи — зелень, редиску... Бабушка подтополёвники собирает в парке возле дк. А ещё у нас дядя есть — он в Водниках живёт. Он по тридцать килограммов грибов за сезон берёт! Бруснику берёт, ягоду морозит, изо всякой травы чай делает. И шишки с кедров бьёт. Ударит в кедр — шишки сверху валятся! Ещё тётя есть у нас из деревни, одежду шьёт; и другая тётя — та медсестрой работала и на Крайнем Севере жила. Она рыбу очень любит, солить её вкусно умеет.

— Большая у тебя семья, — сказала воспитательница.

— Ещё какая, — согласилась я.

— Нравится тебе в лагере?

— Да, — ответила я просто.

Воспитательница улыбнулась и некоторое время помолчала.

— Поможешь мне список номеров составить для концерта? И вместе с Соней плакат сделаете на ватмане.

Я с удовольствием согласилась. Мне больше не хотелось куда-то бежать. Здесь было хорошо.

Глава 6. Чудеса

В последние дни тепла, в пору угасающего лета, бабушка вдруг позвала меня и, смотря тускло-голубыми глазами в неведомое, сказала:

— Пиши. Я тебе буду говорить, а ты пиши.

— Что писать? — не поняла я.

— Бери бумагу.

Голос бабушки был ровным и уверенным. Я принесла альбомный лист, фломастер и села на полу возле её ног. Положив руки на колени, она стала медленно и отчётливо диктовать мне:

— Отче наш, иже на небесех... Да святится имя Твоё. Да придёт Царство Твоё...

На словах «воля твоя, яко на небеси и на земли» я запуталась и написала: «воля двойкая на небеси и на земли», а потом вместо «даждь нам днесь» отметила «дождь нам нёс» — вышло, что хлеб наш насущный принесёт дождь, и это было очень даже складно: какой хлеб без летнего тёплого дождя?

Я уже со второй фразы догадалась, что пишу молитву, поняла даже, что в конце надо просить избавиться от какого-то хитрого человека, но не могла уразуметь, что означает: «Не введи нас во искушение». — Значит — по силам нас испытай, — сказала бабушка. — Ты не думай пока, просто знай! Ты и так много думаешь.

Я кивнула в знак того, что поняла.

— А когда тебе страшно будет, то крестись. Смотри на меня: пальцы в щепоть, клади на лоб, на пупок, на правое плечо и на левое плечо, — учила бабушка.

Я несколько раз попробовала перекреститься.

Бабушка умерла под утро. Я слышала, как она хрипела и пыталась что-то сказать, а мама держала её за руку и вкладывала в рот таблетку. Приехала скорая. Врач с усталым лицом потребовал:

— Ребёнка в другую комнату.

— Да была бы она у нас, эта комната-то! — воскликнула мама. — Одна и спальня, и едальня.

Врач подошёл к бабушке, потрогал её за руку, за шею и через время сказал:

— Повезло ей. Инсульт, мгновенная смерть. Некоторые годами лежат, родственники ухаживают. Ваша бабушка избавила вас от мучений. Она умерла легко.

Мама заплакала.

День прошёл в суете. Мама куда-то звонила, что-то записывала и много плакала. К вечеру приехала тётка Маша, и мама с порога кинулась ей на шею. Обе зарыдали в голос. Я ещё никогда не слышала таких рыданий и чуть испуганно наблюдала за мамой и её сестрой со стороны.

— Сегодня к тёте Любе пойдёшь ночевать, — объявила мне мама спустя время.

Тётя Люба сама пришла к нам. Взрослые втроем пошли сидеть на кухню, а я осталась рядом с бабушкиной кроватью. Я села на пол и осторожно взяла бабушку за руку: пальцы её были холодные и жёсткие, не такие, как раньше, когда бабушка

распутывала ими мои волосы. И даже постоянно исходивший от её кровати запах лекарств как-то стёрся, пропал.

— Баба, ты здесь? — позвала я.

Никто мне не ответил. Я склонилась на подушку, обняла её и лежала молча, а потом достала изнуренные наволочки пластмассовую розовую расчёску и стала медленно водить пальцем по зубчикам. Чуть позже мой взгляд упал на костяной гребень, которым бабушка закалывала волосы, потом на белый головной платок. Я осторожно потрогала эти вещи. В них оставалось совсем мало бабушки, и мне стало жаль, что я слишком плохо её знала, не понимала её языка и не смогла с ней попрощаться. — Бабушка, жаль, что ты умерла, — шёпотом сказала я. — А то я только немного начала тебя любить, а дальше не успела.

На моё плечо положила руку тётя Люба:

— Ну как ты тут?

— Нормально, — отозвалась я, снова приклоняя голову на подушку.

— Спать хочешь или по бабушке скучаешь?

— Спать хочу, — на всякий случай скрыла я свои мысли даже от тётя Любы.

— Собирайся, пойдём ко мне.

У себя дома тётя Люба почти сразу устроила мне постель, но уснуть я не могла, и она легла на диван вместе со мной.

— Бабушка ваша ведь не всегда такая была, Леночка. Когда только переехала сюда, так по магазинам ещё бегала. И в церковь в Николаевку на праздники ходила. Очень по деревне своей скучала. Мама у тебя давным-давно в городе, забыла уже деревенскую жизнь. Так я как приду, она мне говорила: «Там у нас, Люба, всё кипело! Огурцы растут, индюшата растут, хлеб растёт. Колхоз богатый был. И всё заботы требует, целый день крутишься. И в колхозе, и дома. А тут что делать? От безделья не знаешь, куда себя девать». Ну а потом болезни навалились...

Тётя Люба вздохнула и, похлопав меня по спине, отвернулась и велела спать.

На похороны бабушки собрались тётя Люба с тётей Томой, две старухи из подъезда, мамина сестра со своими сыновьями. Старухи при мне переодели бабушку в чистое чёрное платье с белыми мушками, которое она заранее отложила для себя в шкафу в особом узелке. Я не могла поверить, что она умерла насовсем, и чувствовала себя будто во сне — томительном и бессмысленном. Я ушла на какое-то время в кухню, поиграла там с посудой (у меня при случае и чашки, и ковшики становились в игре живыми), а когда вернулась, то увидела, что гроб уже положили на два табурета.

Мама опустилась перед гробом на колени. Она прислонилась лбом к чёрной ткани обивки и вдруг резко вскрикнула:

— Одна я осталась!

Тётя Тома наклонилась над мамой, будто над ребёнком, и осторожно погладила её по плечу.

— Кто нам поможет?! Кому мы нужны?!—плакала мама.

— Ну, ну...—одна из подъездных старух забормотала что-то успокоительное.

На кладбище я поехала вместе со своим старшим двоюродным братом—тем самым, который когда-то в юности ушёл из дома и женился, хотя мать ему запрещала. Я давно хотела его увидеть, спросить, как ему живётся, и всю дорогу пытливо наблюдала за ним, ожидая, что она заговорит первый. Но он не проронил ни слова. Зато когда на кладбище двое работников уже стали забрасывать гроб землёй и я, чтобы не смотреть на это печальное действие, разглядывала всех собравшихся, оба сына тётки Маши стояли рядом со своей матерью—один по левую, а другой по правую сторону от неё.

«Значит, всё-таки простила!»—успокоенным сердцем заметила я, вспомнив, как мамина сестра грозилась, что до самой смерти не простит своего старшего.

Время на кладбище было тянучим, вязким, как будто застревало сквозь обильно росшие там кусты сирени, ивы и ольхи, мешавшие ему течь быстро, как в городе. Постояв ещё немного, я подумала, что тётка Маша говорила всё правильно: она не простила своего сына до смерти, а вот теперь бабушка умерла, и, наверное, настало время простить.

Обратно я поехала уже с двумя своими братьями, и младший из них, который раньше изредка приходил к нам с мамой в гости, сказал неожиданно ласково:

— Ты в кого же такая высокая? Э-э, как выросла, к солнцу тянешься.

От его слов у меня посветлело на душе, и я завела какой-то разговор про пластилиновые игрушки. К тому времени у меня была наклепана целая полка: в одной коробке стояли пластилиновые коровки и овечки—ферма, в другой располагался сосновый бор с медведями, а в третьей, высокой и самой большой, была коммунальная квартира из пяти комнат. Понемногу заканчивая возиться с куклами, я переключилась на эти поделки и часто после школы разыгрывала с ними целые сюжеты. Послушав немного о моём пластилиновом царстве, брат сказал:

— Ну, это, похоже, у нас семейное. Я тоже в детстве много лепил. Только у меня были солдатики и лыжники.

— Тоже две полки занял своим художеством,—добродушно усмехнулся старший мой брат, наконец-то заговоривший.

Мне было уютно с братьями, и я даже пожалела, что дорога так быстро кончилась. Дома ели блины, пили кисель и вели томительные разговоры.

Я подумала, что в эту ночь снова пойду спать к тётке Любе, но через какое-то время все гости разошлись, оставив нас с мамой одних. Было непривычно видеть бабушкину кровать пустой, и пару раз мне показалось, что сложенные на ней в горку подушки и одеяла похожи на ссутулившегося человека.

— Есть хочешь?—спросила меня мама.

Я удивлённо помотала головой: ведь только что ели. Мама ещё походила по квартире, поделала какие-то дела, потом вернулась в комнату и вдруг бухнулась на колени перед бабушкиной кроватью.

— Мама, милая моя мама!—зашептала она.—Прости ты меня! Прости, что я тебя обижала, что не слушала! Раньше надо было о тебе заботиться, а теперь тебя нет больше, и некому прощать!

Я в изумлении остановилась возле кровати и спросила:

— Ты что, так её любила?

Мама рванулась с места и выкрикнула мне в лицо:

— Конечно! Меня когда не будет—тоже всё вспомнишь! Вспомнишь, как по пустякам обижалась, как глупой считала... Когда меня уже рядом не будет, поймёшь, что потеряла...

Я продолжала растерянно стоять рядом и ждала, когда мама успокоится.

Но она не успокаивалась долго. Прошла одна, другая неделя. Я начала учёбу в пятом классе, пропустив четвёртый—мне только недавно исполнилось десять лет. Мама, как раньше, ходила на работу, тянула воз домашних дел, проверяла мои уроки, но почти каждый вечер останавливалась возле пустой бабушкиной тахты и тихим голосом, в котором звучала томительная боль, говорила:

— Мама ты моя, мама! Плохой я тебе дочерью была! Что теперь с тобой? Как я без тебя?! Кому я нужна теперь...

Сначала я слушала мамины слова молча и без особого внимания, но она всё продолжала и продолжала горевать, и мне сделалось её очень жаль. Я попыталась утешить её на свой лад:

— Что ты всё говоришь: кому нужна да кому нужна? Много кому.

Мама посмотрела на меня непонимающе и секунду молчала, а потом сказала:

— Глупая ты ещё. Никому человек по-настоящему не нужен, кроме матери своей. Мать только тебя примет и в зной, и в стужу. А я как её благодарил-то за это?! Господи... Ты вот тоже бабушку обижала! Кричала ей, помнишь: «Замолчи!» Теперь вот нету её. Она одна меня любила.

— Тебя тётя Тома любит,—не соглашалась я.

— Тётя Тома... Ох, Ленка, маленькая ты ещё. Тётя Тома к нам ходит по выходным, потому что ей податься некуда. У неё сын невесту себе нашёл, им квартира нужна, а тётя Тома им мешает.

— Неправда!—выпалила я, не сдержавшись, и сразу почувствовала, как к горлу подступает

болезненный комок.— Не поэтому она ходит, а потому что она добрая и хорошая. Она любит нас! — Вот и иди к ней! — озлилась мама.

Я уже решила, что она, как бывало, теперь не будет со мной разговаривать несколько часов, но мама протяжно вздохнула и, напротив, села ко мне близко, обхватив мою талию в кольцо своей руки. — Тётя Тома, доча, она ведь странная... Конечно, она кое в чём помогает нам, но это разве то?.. Ой, Ленка, то ли ты маленькая ещё, то ли уж такая и есть... Никто, как мать, не любит и не полюбит. Просто это не всегда видно. Вот бабушка не очень-то ласкала нас в детстве. Редко-редко когда по голове погладит. Пряник принесёт. А как её сердце за нас болело! Вот, думаешь, эту квартиру как я купила?! Это бабушка с дедом мне денег дали на кооперативный взнос. Маша уехала когда первая, бабушка как переживала! Всё говорила: как там она?! Ох... К чистоте нас приучала. Каждую субботу половики вытряхивали, дом подметали, двор убирали. Это уж вот в последнее время она такая неряха стала... разум потеряла. А всегда была чистоplotной, всегда дома беленькие салфетки лежали...

Мама печальным напевным тоном продолжала рассказывать, какую работу они с братом и сёстрами делали в доме, как бегали искать блудящую корову, как потом пришлось уехать учиться в город, бросить родных и как это приходилось тяжело. Она продолжала держать меня в кольце своей руки, время от времени прижимая к себе совсем плотно, и я настороженно принимала эту внезапную ласку, не зная, верить ей или нет. Ясно было одно: мама не просто скучает по бабушке, но не находит без неё себе места.

В ближайший выходной, когда тётя Тома привезла нам из «соевого магазина» диковинное «растительное мясо» (настоящее мы ели только в виде американских окорочков — «ножик Буша», да и то редко) и фальшивое молоко, я в каком-то порыве сочувствия решила рассказать, что видела покойную бабушку во сне.

— А знаете, она ведь ко мне приходила, — начала я как можно непринуждённой. — Сплю я тут как-то и вижу: вот дорожка из бетонных плиток на Гордк, сбоку акации цветут. И вот идёт бабушка. В руке у неё сумка хозяйственная, сама в платье чёрном, в котором хоронили. Сначала она была такая... не очень плотная, полупрозрачная, а потом уже как настоящий человек. Подходит она ко мне и говорит: «Здравствуй, Лена. Как живёшь?» Я ей ответила, а она потом дальше говорит: «Пошли со мной».

— Ой, Господи! — в глазах мамы отразился страх.

Я поспешила успокоить её:

— Ну, я ей отвечаю: нет, спасибо, тут останусь. Она тогда из сумки вытащила вкусный хлеб, который из пекарни, потом сушёные бананы, лапшу

«Александра и Софья» и отдала мне. И говорит: маме привет передавай, скажи, чтоб не плакала. А ещё Томе и Любе.

— И куда, куда она пошла? — взволнованно спросила тётя Тома.

— Пошла куда-то на Гордк. И вроде как растворилась, — выдохнула я.

Я ожидала, что взрослые сокрушённо покачают головами, может быть, всплакнут, но тётя Тома вдруг сделалась мрачнее тучи.

— Не хочется расстраивать тебя, Любочка... — издали начала она.

— Что случилось? Говори! — всполошилась мама.

— Лазарев... ну, помнишь, который написал «Диагностику кармы», я тебе говорила? — он считает, что умершие снятся не просто так. По-хорошему, между тонким миром и нашим физическим миром не должно быть контактов, — вздохнула тётя Тома. — Если контакт возник, ну вот как у Лены во сне, значит, произошло слипание полей живого человека и умершего. Лазарев пишет, что это бывает от обиды на умершего...

— Обижалась на бабушку?! — тут же накинулась на меня мама.

Я отчаянно замотала головой.

— Да это не обязательно от обиды, — продолжала тётя Тома. — Может, у тёти Фени здесь, на земле, какие-то вопросы остались нерешённые. Лазарев пишет, что поэтому тоже душа может приходиться... — Что-то сделать ведь нужно? — нетерпеливо спросила мама.

Тётя Тома кивнула:

— У меня в книжке телефон женщины одной есть. Инга зовут. На шёлковом комбинате работала. Соседка моя, Огурцова, к ней ходила, мужа вернула... Ну, она и по другим делам. У неё дар. Может, сходите к ней с Леной, посмотрите, что да как?... Может, она энергетический контакт с тётей Феней установит. Или просто хоть по здоровью поможет...

— Давай телефон, — согласилась мама.

В ближайшее воскресенье до Инги мы добирались долго: она жила возле шёлкового комбината, благополучно закрывшегося, как и остальные предприятия в городе, но когда-то, видимо, давшего ей квартиру.

Я ожидала, что на Ингиной двери будет прибитая какая-нибудь табличка вроде «Ведунья в третьем поколении», «Сибирская целительница», «Белая колдунья». Подобными заголовками пестрела популярная в те годы газета «Комок», рекламный отдел которой предлагал богатейшее разнообразие услуг — от починки ботинок до обретения душевного покоя. Но на скромной деревянной двери не было ничего, и выделялась она разве что тёмно-синим цветом: остальные двери на площадке были бордовые.

Сама хозяйка тоже показалась мне обыкновенной и какой-то усталой. Шелестящим голосом она пригласила маму пройти в маленькую комнату, а меня пока попросила остаться в зале, где на круглом журнальном столике лежала раскрытая книжка загадок.

В траве у речки
Лежит колючко.
Колючко с ядом,
С холодным взглядом,—

прочитала я.

Скоро меня тоже позвали на приём, и я с изумлением увидела, что в маленькой комнате у Инги всюду стоят иконы. Тут были седобородый старик с плащом в крестах, стриженная худая женщина с голой грудью, другой старик—согнутый, с посохом в руке. Но больше всего меня удивила уже знакомая икона Пресвятой Девы, которая висела у нас дома и которой молилась в фильме про Розу крёстная Томаса. Только здесь Дева была совсем юной и очень красивой. Мне почему-то показалось, будто она грустит и несколько не хочет оставаться в этой маленькой душевной комнате, где все стены покрыты бликами от лампадок и свечей, а её маленький сын смотрит на меня строго и предостерегающе.

— Ну, садитесь,—пригласила Инга маму и начала водить над ней руками, что-то шепча.

Это продолжалось долго, и мне уже становилось скучно, но Инга вытащила с полки ковшик, налила в него воду, зажгла толстую свечу и, наклоняя её над самой водой, стала капать в воду воском. Я осторожно заглядывала в ковшик через край.

— У вас обиды,—изрекла Инга маме, закончив капать.—Большая душевная боль и заикленность на своих обидах. Головные боли беспокоят? Шейные, в грудном отделе позвоночника?

— Ой, и те, и другие, и третьи,—охотно отозвалась мама.—А вы можете их снять?

— Могу, но нужна будет работа. В том числе работа над собой. Первое—нужно себя простить.

— За что?—вырвалось у мамы.

— За всё. Есть такая книга «Душевный свет». Там говорится, что все наши беды от непростения. Нужно простить себя, полюбить себя. Потом простить и других. Я вам заговор дам, он белый, безгрешный. Будете читать. Это поможет настроиться на волну прощения. Вы же в следующий раз придёте?

— Д-да,—кивнула мама.—А вы посмотрите ещё мою девочку?

Инга знаком пригласила меня усесться на стул. Я выпрямилась как струна в ожидании чего-то интересного и гадала, что будет сказано насчёт меня. Напрасно: Инга выдала такое, чего я никак не смогла бы предугадать:

— Она проклята.

Я едва не поперхнулась, но осталась сидеть на стуле, чувствуя, что манипуляции над моей головой ещё продолжаются.

— Кто же её проклял?!—задалась закономерным вопросом мама.

Инга всё тем же невозмутимым тоном вещала: — Это мы узнаем спустя время. Пока что сами можете предположить?

Мама погрузилась в раздумья и через несколько секунд выпалила:

— Знаю кто! Это первая жена её папаши. Она всегда мне зла желала. Хотя я, между прочим, и не уводила его. Она сама ушла в своё время, а потом злоба-то, видать, взяла её! Всё говорила мне: чтобы тебе ребёнка большого родить, да чтобы тебе счастья не видеть... Вот и напроорочила...—мамин голос срывался в слёзы.

— Спокойно, спокойно,—ободрила её Инга.—Она хоть и проклята, но, мне кажется, у неё сильная энергетика. Когда я заговор над ней делала, чувствовала сопротивление. Ну-ка, девочка...

Она дала мне в руки свечу и велела читать по бумажке слова.

— Води свечой у мамы над головой,—сказала она.

Я делала, что мне говорили, и чувствовала, как от моих слов в комнате будто поднимается какой-то ветер, колеблется пламя свечи, подрагивают огоньки лампад.

— Легче вам? Головная боль отступает?—спросила Инга маму, когда заговор был прочитан трижды.

— Вроде бы да...—неуверенно ответила родительница.

— Видите!—торжествующе объявила Инга.—У девочки дар. Она сможет словом исцелять. Поэтому она и вошла в астрал к вашей покойной матери. Нужно сделать отвязку её поля от поля бабушки. Но это в следующий раз. Пока вам задание: читайте заговор, прощайте себя, прощайте других. Вспомните, кого вам нужно простить, и прощайте.

Мама рассеянно кивала и продолжала сидеть. — Вам всё ясно?—учительским тоном спросила Инга.

— Да-да... Только это... по цене меня сориентируйте, пожалуйста.

— Хм, ну, по цене... Смотря какого эффекта вы хотите. Отвязку, я думаю, точно будете делать? Девочки от бабушки?

— Отвязку—конечно... ну вот и от головной боли хотелось бы избавиться,—робко попросила мама.—А то работаю сутками, устаю, а тут ещё стала и голова болеть, да хондроз...

— Ну, я думаю, тысяч в двести мы уложимся. Или даже в сто восемьдесят, скажем... Приезжайте в пятницу вечером. Пятница—женский день. Женщин удобнее лечить.

— Хорошо,—послушно пообещала мама.

Всю неделю до пятницы меня распирало от гордости: оказывается, я не просто какая-то глупая пятиклассница — я проклята, как героиня страшного фильма, да к тому же у меня *дар!* Я похвасталась об этом сначала Вовке, но тот насмешливо фыркнул:

— Да ты врешь!

Я впервые в жизни обиделась на него и поспешила со своей новостью к Кате Мустьяца. Её извество о моём даре заинтересовало больше:

— А у тебя глаза зелёные? Если зелёные, значит, ты правда ведьма! Посмотри на свет.

Я подошла к окну в школьном коридоре.

— Зелёные! — ахнула Катька и пристально взгляделась в меня. — А ты добрая?

Я сказала, что, конечно, добрая, но Катька с сомнением покачала головой:

— Не знаю... Ведьмы разве добрые бывают?

Мне пришлось в растерянности отойти от неё.

В пятницу мы снова поехали к Инге, и там после некоторых приготовлений она стала пытаться мою маму, смогла ли та простить себя и других.

— Ой, как-то я не знаю... Себя не могу простить за маму, что обижала её... А других... Папашу Ленкиного трудно простить, да и первую жену его... То вроде кажется, что простила, а как-нибудь вот накатит... и опять.

— Это постепенный процесс, — сухо прокомментировала Инга. — Главное, начало положено. Ладно, давайте с девочкой отвязку делать.

Инга усадила меня на стул, велела закрыть глаза и стала что-то читать. Меня вначале клонило в сон, потом стала кружиться голова, накатила тошнота.

— Ну вот, — удовлетворённо сказала Инга. — Работа проведена. Ваша бабушка теперь должна успокоиться. Правда, я ещё рекомендую вам подержать под подушкой монету десять дней и потом отнести на кладбище, на могилу. Ну и никогда не помешает подать заказную записку в церкви. А дар у девочки, вполне возможно, будет развиваться, — кивнула она в мою сторону.

Мне уже почему-то не было интересно оставаться проклятой, да и наличие дара перестало особенно радовать: подступившая к желудку тошнота не проходила, и я с неудовольствием думала о том, что придётся ещё провести час в тряском душном автобусе.

— Ну ладно, — вздохнула мама, когда мы уже направлялись к остановке. — Дороговато, конечно... Если что, у тёти Любы займу. Зато уж бабушка успокоится, надеюсь. Всё у неё будет там хорошо...

Но особенно хорошего не было. Через несколько дней голова у мамы стала болеть по-прежнему и шею начало тянуть как раньше. Однажды она за что-то принялась ругать меня, и я в сердцах крикнула:

— Чтоб у тебя голова ещё сильнее заболела!

Того, что произошло после этих слов, я не могла предугадать: мама бессильно опустила на диван и обхватила голову руками.

— Что же ты делаешь? — прошептала она. — И так плохо.

Я не сразу поняла, что у неё и впрямь разболелась голова ещё больше. Во мне пока не утихла обида за сказанные мамой недавно грубые слова, и я заявила злорадно:

— Вот-вот! Не будешь больше меня обзывать. Посиди так!

У мамы, похоже, не было сил отвечать мне. Тяжко выдохнув, она легла на диван и замолчала.

Я села на кушетку и сжалась в комок. Злорадство моё быстро прошло. Выходило, что я вначале постаралась утешить маму, поэтому и придумала этот дурацкий сон. А кончилось тем, что я запугала её и сделала всё хуже, чем было.

Мне захотелось плакать, но слёз почему-то не было: были только апатия, желание спать и ничем не заниматься.

Ночью я проснулась от какого-то глухого звука, похожего на стук. Мне сделалось страшно, и первой мыслью было разбудить маму. Но я подумала, что она, пожалуй, ещё сердится на меня, а то и боится. Я пошла на кухню, зажмурив глаза, когда проходила мимо тёмного коридора: мне казалось, что из угольной тьмы на меня вынырнет что-то жадное, ненасытное, окутает с ног до головы и сожрёт.

Я села у входа на кухню под иконой Богородицы и заплакала. Слёзы сами полились у меня из глаз — тихие, обильные. То ли на улице, то ли на балконе что-то опять глухо брякнуло, и страх пробежал по мне холодком.

«Страшно будет — крестись», — вспомнились мне бабушкины слова.

Я перекрестилась раз, другой, третий, думая, что надо бы встать, но вставать мне пока было боязно. На всякий случай я перекрестила стеклянную дверь напротив себя, в которой причудливо отражался свет с улицы, и тогда меня немного отпустило.

— Не надо мне никакого дара, — сказала я вслух, вытирая слёзы. — Не надо мне его, я добрая. Я добрая.

Сказав это, я перекрестилась ещё раз и, уже успокоившись, вернулась в постель.

Когда в следующий раз к нам пришла тётя Тома, мама не преминула похвастаться:

— Были мы у твоей Инги. Денег немало взяла, но колдовала над нами порядочно. Боль головная прошла у меня... Правда, ненадолго. Отвязку сделала. Про Ленку сказала, что у неё дар, энергетика сильная. Представляешь?! С таким талантом не должна пропасть!

Я всерьёз рассердилась на маму и едва удержалась, чтобы не обвинить её в глупости: нашла чем хвастаться!

— Теперь бабушка наша должна успокоиться... Звонила я Инге, договорились, что в пятницу ещё разок сходим, а то хондроз у меня всё-таки вернулся. Надо результат закрепить...

— Не надо!!—завопила я.

Мама и тётя Тома застыли на месте от моего крика.

— Не надо, говорю... Это...— закрыв глаза, я выдохнула.— Это всё неправда! Вы понимаете?!

— Что неправда?!—спросила тётя Тома.

— Я придумала этот сон! Я не видела бабушку!

Мама, потихоньку возвращаясь в своё привычное состояние, скептически хмыкнула:

— И зачем же?

— Ты скучала по ней... Я и подумала: скажу, как будто она передаёт тебе привет с того мира, вот ты и перестанешь так скучать...

Тётя Тома прижала меня к себе и сказала:

— Есть у неё дар. Доброта называется.

Мама больше не пошла к Инге. Вместо этого она решила сходить в церковь и подать там записку на сорокоуст об упокоении. Это значило, что за бабушку должны были молиться целых сорок дней. Такое решение всецело одобрила тётя Люба: — Вот это хорошо ты сделала! Мамка твоя— она же в Бога верила. Молилась ему. Вот пускай и за неё хорошие люди помолятся. Да и стоит это копейки, между прочим,— ты к своей колдовке в десять раз больше уже снесла! Придумала энергетическую-шминергетическую какую-то.

— Это мне Тома посоветовала,— оправдывалась мама.

— Ну, Тома... Начиталась она этой макулатуры своей. Нашла колдовку! С шёлкового комбината чесальщицу-мотальщицу! Я тебе сама наколдую,— тётя Люба сделала строгое лицо и начала медленно водить руками надо мной: — Даю установку: дурь из головы всю выбросить! Ой, точно: шитьё брошу, колдовать начну, во дураков-то набегит! От порчи, от сглаза излечу. Мужей буду возвращать! Хотя некоторых и возвращать-то не стоит...

Я засмеялась.

— А что в церковь ты ходила, это правильно,— посерьёзнев, вернулась к началу разговора тётя Люба.

— Что ж сама-то не сходишь?—спросила её мама.— Мы с сестрой Надей хотя бы Ленку в девяностом году крестили, а ты ведь даже не крещёная.

— А я грешная ещё,—опять засмеялась тётя Люба.— Как надумано покаяться, так пойду и сразу крещусь. Увидите!

Глава 7. Первый грех

Когда я пошла в пятый класс, на дворе был 1997 год. По телевизору показывали важного дядьку с красивой фамилией Березовский: он говорил, что править страной должны самые умные и находчивые,

то есть те, кто в ранние девяностые годы сумел прихватить себе побольше акций разных предприятий и вообще всяческих богатств. В школе нам потихоньку тоже стали внушать мысль, что кто богатый— тот и умный, а если бедный— стало быть, дурак. Одна учительница, выбирая учеников для всероссийской олимпиады, говорила:

— Сейчас нужны не только сообразительные, но и с денежками! До Москвы добираться за свой счёт, там жить тоже на свои, а уж на олимпиаде вам пригодятся и ваши знания.

В Москву должна была поехать Вика Иваницкая, но в параллельном классе «А» нашлась девочка то ли умнее, то ли богаче, и Вике пришлось остаться дома. Признаюсь, я со своими приятельницами Дашей и Катькой Мустьяца немного злорадствовала. Вика и её приближённые Сонька и Диана всегда демонстративно обходили стороной Катьку, да и к таким, как мы с Дашей, относились с явным пренебрежением, а тут подвернулся случай посмеяться (хотя бы про себя) и над «крутой» Викой, потерпевшей такую досадную неудачу.

Мустьяца, конечно, вправду была девочкой своеобразной, не зря и стала потом художницей. Она носила яркие полосатые колготки с джинсовой юбкой, люрековские кофты, на голову прицепляла белый бант. Мне очень нравились её длинные чёрные волосы, которые она, едва выйдя из школы, всегда распускала.

— Их надо напоить ветром!—объясняла она.

Катька и Даша очень любили передачу «Форт Боярд», которая шла тогда то ли на нтв, то ли на втором канале. В этой программе условным узникам полагалось добыть ключи от крепости Боярд, что на побережье Франции. Добраться до ключей было уж как непросто: приходилось пробираться через ржавые клетки и лабиринты, наступать ногами в гадкие жидкости, спотыкаться на стеклянных мокрых дорожках, отгадывать мудрёные загадки, а в случае неудачи томиться в каменном мешке, дожидаясь прихода своей команды.

С Дашей мы постепенно стали общаться всё больше и больше, и однажды по дороге домой я спросила:

— Почему ты раньше не подходила ко мне? До третьего класса даже высмеивала!

— Ты была странной,—пожала плечами Дашка.— И всегда с мальчишками. Тебе что, с ними было интересно?

— Интересно,—сухо ответила я, чего-то стыдясь.— Я про тебя плохо не думала,—оправдалась Даша.— Просто была как все...

На празднике в честь окончания первой четверти нам устроили платную вечеринку. Тётя Люба сшила мне для этого случая платье из чёрной ткани с золотыми нитями люрекса. Взрослые из родительского комитета подсчитали у каждого количество пятёрок и четвёрок, полученных за два

месяца пятого класса, и выдали всем игрушечные деньги — кто сколько «заработал». На эти голубые и зелёные бумажки можно было купить жевательный мармелад в виде бело-голубых акул, чипсы «Принглс» или «Зяки-зяки» (мы звали их «Зяки-бяки»), фисташки, вафли «Кукуруку», холодный чай, кока-колу (Котляренко, не любя вкус модного напитка, нарёк его «кака-кала», что, по-моему, верно отражает суть). Вовка оказался обделён деньгами и «стрелял» у пацанов то чипсинку, то пару фисташек. Мне тоже хотелось угостить его, но он сразу дал понять, что у девочки занимать не будет, и я покорно отошла в сторону. Включили музыку. Вначале ревели ещё советская песня «Мой „Фантом“ теряет высоту», потом поставили «Сказочную тайгу» «Агаты Кристи»:

Облака в небо спрятались,
Звёзды пьяные смотрят вниз,
В дебри сказочной тайги
Падают они!

Эта песня очаровывала меня колдовской мелодией и пугала страшными словами во втором куплете, где пелось про чёрные сказки и розовый от крови снег. Я была рада, когда она наконец закончилась и заиграл медленный мотив. Пацаны, одетые в кожаные куртки-косухи и джинсовки, сбились вместе у столов. Класная и мамы из родительского комитета подошли к ним и, видно, подсказали, что они должны пригласить девочку. Первой пригласила Вику Иваницкую, потом Диану. Я замерла в ожидании, скрестила пальцы за спиной, надеясь, что меня пригласит Володя. Но его вовсе не было в классе — как сквозь землю провалился. Я печально опустила на стул, но вдруг ко мне подошёл тихий мальчик в клетчатой рубаше — Игорь Бавра. Он не входил в компанию «моих» пацанов и вообще по большей части был совсем один. Я с удивлением протянула ему руку, и мы вышли на середину класса. Мы положили друг другу руки на плечи и неловко топтались на одном месте, слегка покачиваясь и стараясь не смотреть друг другу в глаза. Когда песня закончилась, я, наконец, оглядела класс и увидела, что мы остались с Игорем вдвоём: больше никому не хватило смелости продержаться на танцполе до конца под любопытными взглядами.

У Кати дома я была всего один раз, на день рождения. Она жила с мамой и бабушкой: её отец погиб в Приднестровье в девяносто втором году, когда там шла война, и Каткина мать, похоронив мужа и забрав отца, решила вернуться в Россию.

Нас угощали пельменями, запечёнными с картошкой, сырными лепёшками, сладкими кубиками пористого печенья со смешным названием «Бабка Нягрэ» и только-только появившимся на

прилавках заморским фруктом киви. Этому киви выдали по штучке каждому ребёнку и устроили конкурс: победит тот, кто сможет аккуратно выковырять ложкой всю мякоть, оставив от киви одну шкурку. Ни разу не проколоть шкурку оказалось задачей невыполнимой, но приз — шариковую ручку — всё же отдали мне. Пельмени тоже были с секретом. Каткина мама объявила, что в одном из пельменей вместо мяса положен изюм, и все кинулись к тарелкам искать этот сладкий пельмень. Однако никто изюмного пельменя не обнаружил. Уже в конце праздника сама именинница тягучим шёпотом призналась мне:

— Это мне попался сладкий пельмень.

— Почему ты не сказала? — изумилась я.

Катка загадочно прикрыла глаза:

— Если бы я сказала, это уже бы не была тайна... Он был бы просто мой... А так его никто не нашёл, и все думают: где же он?.. У всех есть надежда: может, это им попался сладкий пельмень, просто они его не заметили...

С Дашей мы стали часто возвращаться из школы вместе. Разузнав, что Дашина семья живёт более чем небогато, мама согласилась пустить её к нам в гости. Однако гораздо чаще к Дашке стала ходить я — у неё было побольше места и к тому же имелось несколько интересных вещей: фильмоскоп, в который мы вставляли плёнки и просматривали диафильмы про животных, старые книжки издательства «Шиповник» с дореволюционной печатью, красивые ёлочные игрушки и большой цветной телевизор «Радуга». Всё это богатство досталось Дашкиному отцу от его родителей, которые уже с детства жили в Красноярске и работали врачами. Сам Дашкин папа был по образованию инженером-мостостроителем и, мечтая объединить собственную профессию с родительской, планировал видеть свою единственную дочь гениальным инженером.

По цветному телевизору мы смотрели детские передачи «Зов джунглей» и «Звёздный час», которые вёл весёлый ведущий Сергей Супонев. «Звёздный час», где нужно было отгадывать и составлять слова, я любила без памяти и напевала про себя песенку из заставки этой программы:

Хочешь — не хочешь, днём или ночью
Чудо придёт.
Знаешь — не знаешь, не угадаешь,
Где нас найдёт.
Верить — не верить, в сказку поверишь,
В нас поверь.
Днём или ночью чудо откроет дверь!

Как-то я сказала подружкам, что было бы здорово однажды попасть на «Звёздный час» и приехать в Москву. Но они больше любили «Форт Боярд», а Катка — ещё и воскресный «Клуб кинопутешественников».

— Когда мы вырастем, — заговорила однажды Мустьяца, — мы тоже отправимся в путешествие. Мы пройдем весь Красноярск, спустимся по дороге «Тёщин язык» прямо к Дивногорску, а оттуда... Оттуда мы отправимся к степям и озёрам!

Последнюю фразу Мустьяца произнесла с таким восторгом, что мы с Дашей мгновенно поняли: степи и озёра — это лучшее, что может встретиться страннику на пути.

Я осторожно заметила, что хорошо было бы, во-первых, уже сейчас заняться бегом, чтобы натренировать дыхание для долгой дороги, а во-вторых, взять с собой мальчиков.

— Дались тебе эти мальчики, — насупила чёрные брови Катька. — Не доведут они тебя до добра.

Но без одного мальчика я никак не могла. Мы с Вовкой стали чего-то стесняться и при встрече уже не махали яростно друг другу, не бежали навстречу, а сдержанно говорили: «Привет!» Но мы продолжали сидеть вместе на уроках и в столовой, иногда гуляли на переменах по школе. Я показывала ему свои рисунки и зверей из пластилина, а он хвастался успехами отца: тот открыл свою точку на рынке, стал торговать пирогами, беляшами и очень цветной газировкой — такой яркой, что от неё оставались оранжевые и зелёные следы в кружках.

Однажды мальчишка из параллельного класса дал Вовке заполнить анкету в каком-то журнале с наклейками и постерами. Я сидела рядом с ним, дела вид, что рисую, но на самом деле заглядывала через его плечо, стараясь прочитать каждое слово. Вовка написал, как у него отчество и фамилия, что он больше всего любит из еды («Куру с картофаном»), какая ему нравится передача («Сам себе режиссёр»).

Дальше была строчка с названием «Мои друзья», и тут я, кажется, перестала дышать и вся превратилась в зрение. Тёмной гелевой пастой Володя вывел первое имя — «Саша»; через длинную нервную запятую второе — «Семён». Я слышала, как колотится моё сердце, и боялась пошевелиться, чтобы не спугнуть Вовкины мысли. Он написал «Вася» и, остановившись на долгую секунду, на оставшемся маленьком пространстве строки аккуратно вывел «Лена» и поставил большую блестящую точку. Я выдохнула. Моё имя было записано в личную Вовкину книгу жизни.

Мне очень хотелось, чтобы все были счастливы. Бабушки больше не было, и маме не осталось с кем ссориться, но всё равно она не выглядела счастливой, да и сама говорила, что живёт как в тяжёлом сне. Однажды я напомнила ей про дядю Гену, всё ещё надеясь, что мать позвонит ему и пригласит к нам домой, но она только махнула рукой на мою просьбу. У тёти Любы появились новые клиентки, которые заказывали костюмы, пиджаки с плечиками, платя, и она шутя хвасталась иногда,

что скоро разбогатеет на шитье, снимет помещение под ателье, заведёт двух работниц и уедет отдыхать на Канары. Но вместо ателье она купила только новую ванну, а отдыхать уезжала к деревню к своей многочисленной родне. В пятом классе мне дали задание сшить фартук, и тётя Люба, подумав, наверное, что наконец-то появится возможность обучить меня своему ремеслу, взялась кроить со мной вместе. Но когда она сказала мне отметить и вырезать карманы, я, недолго думая, вырезала их прямо из полотнища фартука, уже постфактум сообразив, что вместо карманов получились две дыры.

— Да-а, — только и сказала тётя Люба, глядя на мою кройку.

— Зато я умею из солёного теста лепить, — попыталась утешить её я.

Труды в школе вообще давались мне непросто, хотя я очень благодарна учительнице по этому предмету и жалею, что такого урока больше нет. За пятый класс мы сшили фартук и косынку, с которыми я изрядно намаялась, в шестом принялись за юбку — с ней возни было ещё больше. Кройку и шитьё мы перемежали с лепкой из солёного теста, которая была для меня сущим праздником, и ещё с теорией. Если учительница объявляла: «Сегодня теория», — то это означало, что мы должны были конспектировать учебник — переписывать в высокую общую тетрадь виды всяких манжет, воротничков и швов. Учительница на таких уроках зачастую оставляла нас одних и уходила в подсобку, и тогда наши девчонки начинали разговор — правда, не все, а только те, кому было что сказать.

Вика Иваницкая, Диана с Сонькой и ещё парочка их подружек всегда сидели возле самой доски, а все остальные — дальше. Диана любила рассказывать о своём папе, который ездил в zahraniчные командировки то в Египет, то в Таиланд и привозил оттуда ей разные модные вещи. Вике папа-депутат тоже привозил одежду, но она редко хвасталась этим, говоря в основном о том, что через несколько лет их семья переедет в Питер, а оттуда — за границу.

— А куда за границу, в США? — спросила как-то рыжая Сонька, у которой не было папы-депутата. — Не знаю... Возможно, во Вьетнам. Там у папы фирма есть.

— А я здесь останусь, — возражала Диана. — Здесь тоже прибыль хорошая. И природа родная. У меня отец с друзьями на охоту ездит, на косую. И на рыбалку весной. Рыбу потом на базу продаёт. Один раз меня с собой брал, клёво было!

Слушая рассказ о рыбалке, я украдкой вздыхала, потому что вспоминала дядю Гену, который тоже мог меня куда-нибудь свозить; но мельком вспомнила и урок биологии, на котором говорили, что в конце весны рыбачить вроде бы запрещено.

Среди богатых девочек была ещё Бессменова Настя. Ей по статусу вроде бы полагалось тоже хвастаться шикарным отдыхом и планами на будущее, которое при отце-банкире, казалось, разворачивалось перед ней во всей широте. Но Настя училась плохо и, осознавая свои небольшие успехи в учёбе, держалась всегда скромно. Про неё ползли слухи, что она приёмная, что семья Бессменовых удочерила её в три года, потому что не могла иметь родных детей. Я знала, что Настина мать одолжила моей маме деньги, когда я потеряла сбережения из классной копилки, и сказала, что вернуть можно хоть через год.

Настя, похоже, любила урок трудов и, пока её номинальные подруги обсуждали свою жизнь, аккуратно рисовала эскизы в тетрадь или делала намётку на деталях. Заметив однажды, как небрежно я запикиваю в пенал ручки и карандаши, она вдруг сказала мне тихим голосом:

— Пожалуйста, не делай так. Разложи всё как надо, будет красиво.

Я в изумлении пообещала разложить.
— И покажешь мне,—с шутливой требовательностью промолвила Настя.

На следующий день я продемонстрировала ей аккуратно заполненный пенал. Настя вытащила из сумки новенький блестящий пенал и с улыбкой сказала:

— А это тебе.

Я была поражена ещё больше, чем во вчерашний день, замотала головой и отказалась от подарка. До сих пор от таких, как Диана и Вика, я не видела и не слышала ничего хорошего, а тут вдруг — подарок! Я рассказала об этом случае Катьке. Мустяца внимательно выслушала, а потом, вздохнув, сказала: — Настька вообще-то меня никогда не обижала. Я думаю, у неё мама добрая. Хоть богатая, а добрая.

Хотя я скучала по Раисе Ивановне (пару раз — вначале с Вовкой, потом с Дашей и Катькой — я заглянула к ней в гости), учёба в пятом классе мне понравилась. Во время программ по предметам было целое море, творческую свободу педагогов ещё никто не ограничивал, и при желании учитель мог вести урок так, как считал нужным. На физкультуру мы ходили в соседний сквер, играли в подвижные игры. Физрук был небольшого роста, весёлый и сыпал поговорками, среди которых любимой у него была «Волка ноги кормят» — так он шуливо говорил про себя.

Нашим здоровьем занимался не только физрук, но и школьная медсестра, которая с пятого по восьмой класс вела у нас диковинный предмет — валеологию. Там говорилось обо всём понемногу: о правильном питании (на которое у многих наших родителей попросту не хватало денег), о занятиях в спортивных кружках (которые мы

с трудом могли посещать из-за учёбы во вторую смену), о правилах личной гигиены. Пару уроков нам рассказывали об Агни-йоге — учении художника Рериха и его жены, которые разговаривали с какими-то духами в горах (я так толком и не поняла о чём), а потом ещё пару занятий — о другом учении, «Детке», которое придумал бородатый босой человек Порфирий Иванов. Про «Детку» я уже немного знала от тёти Томы: она рассказывала, что Порфирий Иванов учил всех пить побольше воды, ходить по снегу босиком и молчать с вечера пятницы до утра воскресенья. Но просто знать для урока валеологии было мало: нам предложили ещё заполнить специальную анкету в рабочей тетради, где спрашивали, пробовали ли мы ходить босиком, умеем ли молчать и очищаем ли разум от ненужных мыслей. И, как помнится, намекали, что не худо бы каждому пятикласснику научиться всё это делать. Бывали и практикумы: однажды мы с медсестрой вышли всем классом на улицу и протягивали ладони солнышку, черпая от него энергию.

На улицу нас водила и учительница математики, наглядно показывая нам при помощи мела и верёвок, что такое ар, десятина, сажень. Я боялась, что по математике сразу съеду на тройки, ведь тут будет не Раиса Ивановна, которая нас всё-таки жалела. Но новая учительница объясняла хорошо, и даже если кто-нибудь, стоя у доски, говорил, что ничего не знает, спокойно вела с ним разговор: — Как ничего не знаешь? Это что на доске — цветочек, рисунок?

— Пример, — отвечал ученик.

— Так. Пример на что?

— На дроби.

— Дроби какие?

— Обыкновенные.

— И что мы должны с ними сделать?

— Умножить.

— Так. А где бы нам посмотреть и вспомнить, как умножить обыкновенные дроби?

И ученику приходилось открывать учебник, думать и писать. Тем, кто справлялся быстро, учительница давала другие задания — то из учебника, то, чаще, из книги «Занимательная математика». Тугодумие и неаккуратность «математичка» прощала, но за списывание, когда его обнаруживала, наказывала сурово.

— Списывание — это интеллектуальное воровство! Вы обманываете не только меня, но и самих себя. Учёба — это ваша работа, делайте её честно. А если нужно в чём-то разобраться, исправьте оценку, то я вас всегда жду во вторник и четверг.

Я прониклась уважением к этой учительнице и вплоть до седьмого класса (пока не появилась геометрия) ничего не списывала, пытаюсь делать всё сама, хотя мама заботливо купила мне в книжном магазине решебник.

От уроков истории у меня были противоречивые впечатления. Вела их эксцентричная учительница Татьяна Петровна, которую за её прибаутки и весёлость я стала про себя именовать просто Петровной. Петровна любила рассказывать про бывших учеников, про свою молодость и вообще что-нибудь мало относящееся к уроку. Впрочем, иногда она, словно бы желая догнать упущенное время, забрасывала нас вопросами по параграфу, на которые надо было отвечать быстро, а если ответишь невпопад—не избежишь колкой Петровниной шутки.

Петровна любила задавать нам кроссворды, которые мы должны были делать дома на двойном листке и потом приносить для своих одноклассников. Придумывать эти кроссворды было довольно интересно, однако разгадывать чужой почерк и направления мысли—уже куда хуже. Над одним словом из чьего-то неподписанного кроссворда бесплодно билась сама Петровна. Кто-то написал в задании: «Леденец был лакомством, пряник—...подарком».

Я понаблюдала, как никто не может угадать зашифрованное слово, и, сжалившись над одноклассниками и учителем, произнесла:

— Настоящим. Настоящим подарком.

— Так это твой, блин, кроссворд?!—рассерженно воскликнула Диана, которой достался этот головоломный вопрос.

— Нет, мой у Богданова. Я просто помню текст из учебника.

Петровна хлопнула себя руками по бёдрам.

— Вот Елена! Вот память! Ума палата, да ключ потерял!

Уже в самом начале шестого класса, когда мы начали изучать историю России, Петровна задумала сделать две инсценировки из жизни наших предков-крестьян. Первой сценкой должны были стать похороны, второй—свадьба. На роль умирающего она выбрала не кого-нибудь, а Катьку Мустьяца, над которой из-за этой роли сразу же стали глумиться Вика с Дианой и некоторые мальчишки. Я решила, что умру вместо Катьки, и добровольно предложила Петровне свою кандидатуру для главной роли в сценке.

Кроме желания защитить Катьку от нападок, мной руководило ещё любопытство. Мне хотелось попробовать умереть понарошку и почувствовать, как это будет, когда ты лежишь и смотришь на весь мир со стороны, как непричастная ему.

Я стонала, просила воды, дрожащей рукой перекрестила свою семью—Стружкина, Дашу, Богданова, Олю с Камчатки—и с тяжёлым вздохом закрыла глаза. Надо мной выла нанятая плакальщица, меня вывезли на кладбище, накинули сверху серый плед и уехали справлять поминки. Стало скучно, умирать не хотелось, я стала потихоньку подглядывать из пледа за тем, как одноклассники

жевали блины и пили газировку, как потихоньку баловались сидящие за партами зрители. На несколько секунд мне стало казаться, что я в самом деле для них теперь не существую и обо мне забыла даже Петровна. Это было немного страшно, но интересно: я-то видела всех, а меня—никто.

Меня, разумеется, в конце концов освободили, а на следующей урок поставили сценку про свадьбу. Замуж выходила рыжая Сонька: у неё были длинные волосы, которые сначала заплели в девичью косу, а потом разделили на две косы и обмотали вокруг головы. В свадебном поезде участвовало полкласса: пели песни, ели бутерброды, поздравляли молодых.

Я ничего не говорила маме об этих постановках, и о режиссёрском творчестве Петровны мама узнала случайно, от своей приятельницы-управдома. — Ничего себе игрища!—возмутилась мама. — Ладно свадьба, но разве можно со смертью играть?!

Я подумала, что со смертью люди играли всегда—об этом сказано даже в учебниках истории, но вслух не стала ничего говорить.

Управдом хотела пожаловаться на историчку директору, но её дочка попросила этого не делать, потому что вообще-то Петровна классная, и об этих постановках скоро все забыли. А на истории мы хоть и продолжали креативить, но уже не так смело: ограничивались кроссвордами, загадками и рисованием иллюстраций к параграфам.

Больше всего я полюбила учительницу литературы и русского Ирину Васильевну, которую к нам пригласили уже в ноябре в пятом классе. В самом начале года у нас вышла какая-то чехарда с учителями: один через полтора месяца уволился (наверное, из-за зарплаты—не знаю, выдавали её тогда деньгами или натурой, но задерживать продолжали точно), другую почему-то перекинули на параллельный класс, так что русский поначалу вели нерегулярно, а про литературу и вовсе забыли. Когда Ирина Васильевна впервые переступила порог второго кабинета, по нашему классу прошёл удивлённо-неодобрительный шепоток: лицом она была явно некрасива. Но эта некрасивость исчезала по волшебству, когда учительница начинала говорить. Она редко повышала голос, но умела мастерски владеть им, переходила от взволнованного шёпота к мажорным восклицаниям, так что ей удавалось захватывать внимание даже учеников с последних парт.

Через родительский комитет нам купили учебники литературы под названием, кажется, «Родное слово», и по ним Ирина Васильевна стала вести занятия. По этой программе мы сначала изучали русский фольклор: прямо на уроках пели заклички и веснянки, разыгрывали короткие бытовые сказки, рисовали Збручского идола. Я даже готова была признать, что и Раиса Ивановна не вела таких

интересных уроков. Однажды учительница дала задание каждому написать о том, какой русской народной традиции придерживается его семья. Вовка, Котляренко и ещё многие написали о том, что они ходят в баню, Даша—о том, что они с отцом выращивают овощи на огороде. Многие писали про варку варений и солений, про пельмени, которые их семьи лепят вручную перед праздниками. Я же написала про песни—мою отраду и утешение—и сказала, что их научила меня петь бабушка. Ирине Петровне понравилось моё сочинение, особенно в той части, где я рассказывала про совместные с бабушкой концерты. Она сказала, что в песне раскрывается душа, и если мы хотим узнать, чем живёт человек, стоит послушать его любимые песни.

В декабре мы подоברались к разделу «Христианство на Руси». Ирина Петровна рассказала нам, как послы князя Владимира, наслушавшись рассказов от представителей разных вер, захотели посетить греческое богослужение и прибыли в пышный город Константинополь. «Не знаем, на небе мы были или на земле»,—так сказали послы своему князю.

Мне стало любопытно: что же такое могли увидеть эти княжеские посланники в храме, чему они удивились—музыке, пению, свету, золотым окладам икон?! Я никогда не была в церкви дольше пяти минут (мама однажды забегала купить свечки) и задумала когда-нибудь прийти туда.

На следующий урок Ирина Васильевна велела принести детскую Библию. Такой книги у нас дома, конечно, не водилось, в школьной библиотеке её тоже не было. Мама, ворча, что на дом стали задавать не пойми что, отправилась искать Библию по соседям и обнаружила её у своей знакомой из пятого подъезда, учительницы английского языка.

На уроке мы открыли страницу, где был нарисован голубой земной шар на тёмном синем фоне с мелкой белой россыпью звёзд.

—Я расскажу вам, как был сотворён мир согласно христианской традиции,—пообещала Ирина Васильевна.

На истории мы уже читали пересказы древнегреческих мифов, в том числе и о сотворении земли. Мифы были забавными, но нисколько не казались похожими на правду; а то, что говорила Ирина Васильевна, почему-то заставляло меня ловить каждое её слово:

—Вначале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою. И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет днём, а тьму ночью.

Ирина Васильевна сказала, что небо, которое Бог сотворил первым,—это ангелы. Мне вспомнился фильм «Приключения Буратино», где в темноте

по запутанным улицам ходили с факелами фонарщики и, зажигая огни, радостно восклицали:

Да будет свет! свет! свет!
Как будто день, день, день...

Бог после этого создал много всего—воду, землю, растения и животных, наконец, людей,—но больше всего мне запомнился свет, без которого ничего другого бы не стало. Дома вечером я подошла к окну, которое уже покрылось тонкой серебристой изморозью, продышала на нём глазок и тихо сказала:

—Бог, а Бог! Ты меня слышишь? Спасибо Тебе, что создал свет! И первых людей, от которых народились все другие люди!

Постояв ещё немного, я вспомнила о бабушке, которая постоянно угрожала маме адом, и подумала, что бабушка, должно быть, заблуждалась и Бог совсем не такой злой. Я снова позвала его: —Ты же меня слышишь, да? Найди мою бабушку, пожалуйста, Бог. Её зовут Федосья. И пусть она увидит, что на самом деле Ты добрый. Передай ей привет от меня. Только пусть во сне она не приходит: я снов боюсь, я и так Тебе верю, что Ты её найдёшь.

Сказав это, я отправилась было в кровать, но в голову мне пришла одна мысль, из-за которой пришлось вернуться к окну:

—И спокойной Тебе ночи, если Ты когда-нибудь спишь!

На следующем уроке Ирина Васильевна рассказала нам про грехопадение и изгнание из рая. В этой истории Бог наказал людей довольно сурово, однако мне, привыкшей постоянно слышать перебранки родных и обещания никогда не простить и всё припомнить, Он и тут показался достаточно милостивым. Пусть Он выгнал первых людей из рая, но всё-таки пообещал, что вернётся и не бросит,—это уже чего-нибудь да стоило. К тому же меня брало зло на Еву: и что она послушалась этого проклятого змея? Ведь жила в раю, смотрела на красоту, не знала печали—и поверила ползучему непонятному типу! Мустыца тоже осуждала Еву: —Посмотрела на плод, как на базаре: хороший на вкус, приятный для глаз... А это же чудо! А Адам какой-то глупый оказался...

На третьем уроке Ирина Васильевна рассказала нам про Каина и Авеля, потом про Ноя. Авеля мне было жаль так, что я беззвучно заплакала и подумала, что хуже зависти нет порока—и другому приносит зло, и самого человека мучает. История Ноя понравилась Володе, он стал рисовать в тетради ковчег и прикидывал, где разместит припасы для травоядных, а где—для хищников. —Я бы им сложил бананы и косточки, как в передаче «Джунгли зовут»,—шепнул он мне.

Люди и звери на ковчеге спаслись, но потом всё пошло по старому пути: мало кто слушался Бога,

большинство предпочитали быть как все. Ирина Васильевна сказала, что в следующий раз будет последний, четвёртый урок по этому разделу, и задала домашнюю:

— Теперь, ребята, вы слышали про Адаму и Еву, про их сыновей, про Ноя и Хама. Вы примерно понимаете, что такое грех. вспомните, где вы в своей жизни поступали плохо, неправильно, и напишите мне к следующему уроку сочинение «Мой первый грех». Пишите как получится, что вам придёт на сердце.

Вечером я возвращалась из школы вместе с дочкой председателя родительского комитета. Встретив мою маму, председательница начала шумно возмущаться домашкой:

— Что ещё за задание такое? Какие грехи у детей?! Они маленькие ещё! С ума сошла эта русичка.

Моя мама была гораздо спокойнее:

— Ну, странное задание, да... Так а по математике что им задавали всю началку, с этим развивающим обучением?! Какие-то мерки, фигурки... Я голову сломала, решая. А валеология эта? Порфирий Иванов и прочее... Первый грех—это хоть проще. — Нет уж, Люба,— не соглашалась председательница.— Я этого дела так не оставлю. Интересно вот, знает директор про художества нашей Ирины?.. Я доложу...

Дома мне пришлось задуматься, что написать в сочинении. Воспоминания о том, что было мной сделано плохого, оказались неприятными, и погружаться в них совершенно не хотелось. Я вспомнила, когда грубила, обманывала маму насчёт оценок, чтобы та не ругалась; вспомнила, как соврала Раисе Ивановне, что у меня болел вечером живот и поэтому я не сделала задание. Что же можно было написать?..

Мама быстренько подсказала мне тему, напомнив, как однажды я искала своих пластилиновых зверей и стала кричать на мать, как будто это она их куда-то дела. Вздохнув, я согласилась и написала об этом случае: всё равно, получается, грех, пусть и не первый, а какой-нибудь пятый либо шестой...

У моих одноклассников грехи оказались все будто под копирку. Один не захотел есть котлету и выбросил её в окно, другой выплеснул в унитаз тарелку супа, третья вылила стакан киселя в цветочный горшок, четвёртая раскрошила в мусорку яйцо. Дашкин первый грех был в том, что она отказалась убирать за кошкой, Катькин— что она стала капризничать, когда мама испекла невкусный пирог.

«Скучно вы грешите, ребята»,— подумала я не без гордости.

Хорошо хоть Вовка написал, что украл на базаре несколько конфет.

Но Ирина Васильевна сказала, что Бог отправил своего Сына для спасения даже худших грешников, даже бандитов и убийц. В первую минуту я удивилась, почему Бог не пошёл на землю сам, но тут же объяснила это себе: ведь прошли многие годы— состаришься тут, глядя, как люди бесконечно спорят, враждуют, воюют, и переживая за них всех! Бог, конечно, и сам хотел спуститься на землю, но понял, что лучше будет отправить Сына, чтобы тот всё исправил, вернул бы людям рай. — Я не хочу обязательно призывать вас в веру,— произнесла Ирина Васильевна, чему я, надо сказать, немного удивилась.— Но это такие вещи, которые должен знать каждый человек в христианской стране. Вы только послушайте, какие это строки: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную»...

Я вспомнила папу Карло из фильма про Буратино: вот он, старый добрый мастер, сидит на своём чердаке, разложив инструменты; вот играет на скрипочке сладко-грустную мелодию сверчок; вот приставил к окну лестницу и заглядывает внутрь фонарщик— светлый ангел Божий. Мастерит, мастерит Бог себе Сына, вкладывает в Него доброту своей души. И, хотя знает заранее, что придётся с ним расстаться, надеется, что сын исполнит всё задуманное, и поёт:

Вот уже почти готов он, добрый человек,

Я вложу в него надежду и одежду дам,

Он спасёт нас от печали, от нужды излечит,

Будет с кем мне под шарманку топтать по дворам...

Ирина Васильевна рассказывала—будто песню пела про то, как Сын, которому выбрали человеческое имя Иисус, жил ребёнком у Иосифа с Марией, как Он вырос и выбрал себе учеников, как лечил и кормил людей... В конце концов Ему пришлось умереть— я не очень-то поняла, почему не было другого пути, чтобы вернуть рай человечеству. Но на третий день, когда уже все считали, что Иисус навсегда умер, Он воскрес, явился своим ученикам и сказал им: «Радуйтесь!»

— Разве это не удивительно?—спросила нас Ирина Васильевна, хотя ответ и так был понятен.— Мы с вами обговорили только самые основы. Ничего не сказали о Марии, о жизни Иисуса на земле... Но всё-таки кое-что мы узнали с вами и теперь сможем дальше изучать наш учебник. Очень многие произведения содержат в себе мотивы Библии. Вы уже сможете их понимать.